

ŞİMALİ·KAFKASYA СЕВЕРНЫЙ·КАВКАЗ

LE CAUCASE DU NORD

NORTH CAUCASIA

İÇİNDEKİLER — СОДЕРЖАНИЕ

Bütün Kafkasya milletlerine (beyanname)	2	РОМАН СМАЛЬ-СТОЦКИЙ. Угнетение украинского языка в Советской Украине	18
MUHAMMED ÇUKUA. „Nippon imperyalizmi“	3	Б. К. Методы руссификации языков в СССР	20
ÖMER OĞUZ. Terk-Kala—„Şimalî Kafkasya ölkesinin“ umûmî merkezi	3	АФШАРАНЛЫ. Боеспособность Азербайджанской национальной армии	23
CANBEK HAVJOKO. Hacı Murad'in Hayatı	5	АДИЛЬ-БЕК КУЛАТТИ. Черкесы в Югославии	25
ADİL-BEK KULATTI. Jugoslaviya'da Çerkesler	8	Современная литература Азербайджана	26
DOĞUJ. „Adiğe komсомolu“	9	ДОГУЖ. Покаянное письмо Казбека Бутаева	30
К. Radio başında	10	Matbuat arasında — Обзор печати	32
ИБРАГИМ ЧУЛИК. Страна рабов	12	Среди эмиграции	33
Б. БИЛАТТИ. Коллективные гарантии безопасности	15	Письмо в редакцию	33

**KALEM HAKKI VERİLMEZ
EL YAZILARI İADE EDİLMEZ**

**ГОНОРАР НЕ ПЛАТИТСЯ
РУКОПИСИ НЕ ВОЗВРАЩАЮТСЯ**

**„ŞİMALÎ KAFKASYA“
MECMUASININ ABONE ŞARTI:**

**ПОДПИСНАЯ ПЛАТА ЗА ЖУРНАЛ
„СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ“ СОСТАВЛЯЕТ:**

	6 aylık	1 yıl
Avrupanın her memleketinde	0,75 dol.	1,5 dol.
Yakın ve Uzak Şarkta, Afrika ve Amerikada	1 dol.	2 dol.

	на 6 мес	на год
Во всех странах Европы	0,75 долл.	1,5 долл.
В странах Ближнего и Дальнего Востока, Америки и Африки	1 долл.	2 долл.

Tek nushası 3 transiz frankı.

Цена отдельного номера 3 фр. фр.

Abone hakları mecmua müdürünün aşağıki adresine gönderilmelidir: Odyńca 35
Warszawa 12, Pologne.

Подписную плату следует посылать по адресу редактора журнала: Odyńca 35
Warszawa 12, Pologne.

ŞİMALİ ♦ KAFKASYA СЕВЕРНЫЙ ♦ КАВКАЗ

LE CAUCASE DU NORD

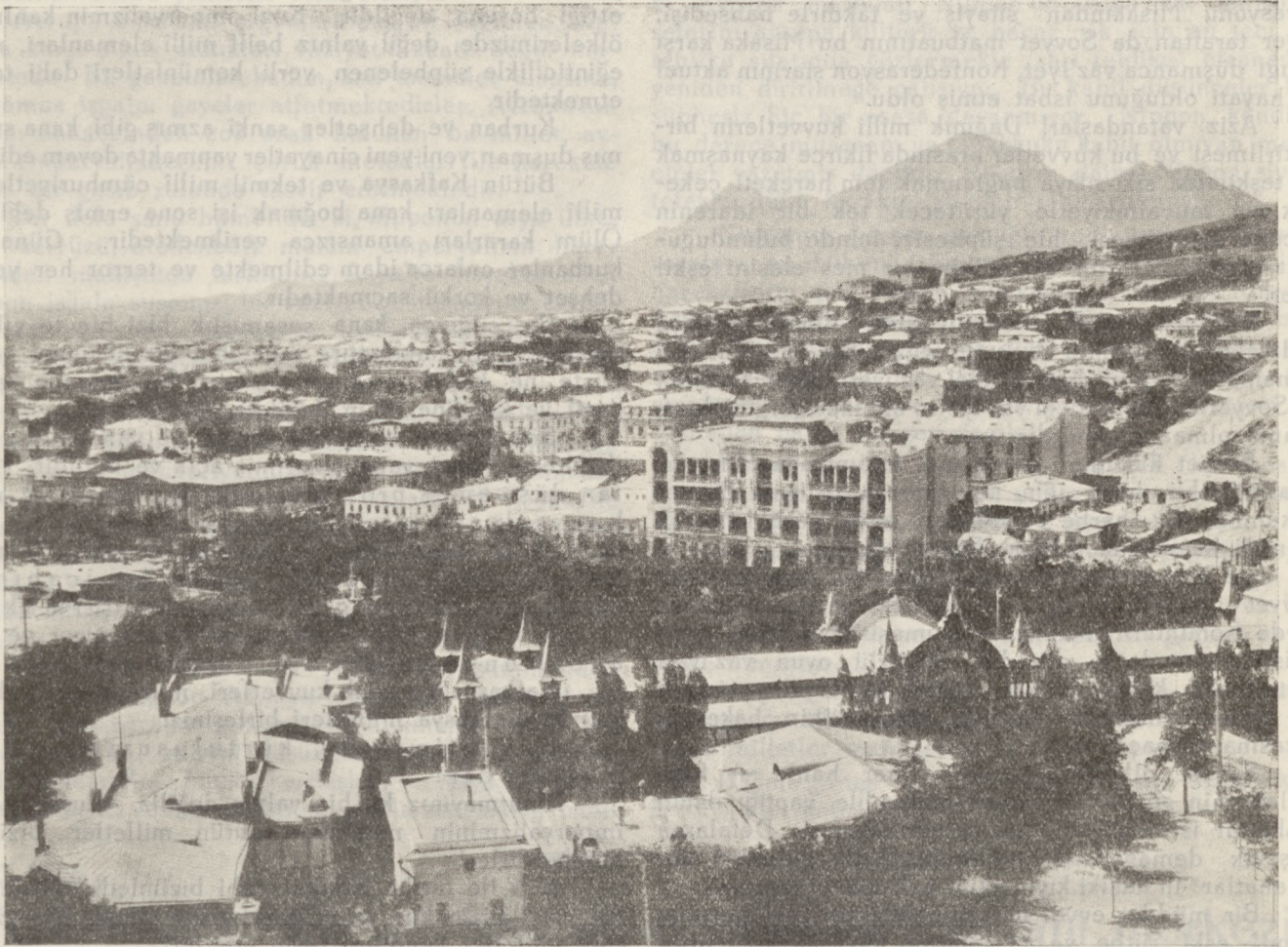
ОРГАН НАРОДНОЙ ПАРТИИ
ГОРЦЕВ КАВКАЗА

NORTH CAUCASIA

№ 22

SUBAT — 1936 — ФЕВРАЛЬ

№ 22

PSYHUABE ŞEHRİNİN UMÜMİ GÖRÜNÜŞÜ

ОБЩИЙ ВИД ГОР. ПСЫХУАБЕ

Bütün Kafkasya milletlerine

Kafkasyalı vatandaşlar!

1934-ün 14 Temmuzunda Kafkasya Konfederasyon Misakını ilan eden Kafkasya milletleri mes'ul mümessillierinin kongresi toplandı

Toplanan kongre Kafkasya Konfederasyon Şurasını kurmuş ve bu Şura faaliyete geçmiştir.

Şura'nın vazifesi cumhuriyetlerimizin kaybolmuş hürriyetini geri almak yolunda savaşan Kafkasyalı vatansever kuvvetlerin ayrı-ayrı hareketlerini birleştirmek ve milletlerimizin ayrı ayrı istek ve faaliyetlerini idare eden tek bir irade haline getirmektir!..

Konfederasyon idesi, artık mücadele halinde bulunan Kafkasya'nın bütün tabakeleri tarafından benimsenmiştir. Vatanda olduğu gibi, muhacirette dahi günün şiarı bu Konfederasyondur.

Her Kafkasyalı vatansever milletlerimizin emniyetli geleceğini hep bu idenin tahakkukunda görüyor.

Bir taraftan dünya matbuatının Kafkasya Konfederasyonu Misakından sitayiş ve takdirle bahsedışı, diğer taraftan da Sovyet matbuatının bu Misaka karşı aldığı düşmanca vaz'iyet, Konfederasyon şiarının aktuel ve hayati olduğunu isbat etmiş oldu.

Aziz vatandaşlar! Dağınık milli kuvvetlerin birleştirilmesi ve bu kuvvetler arasında fikirce kaynaşmak ve teşkilatca sıkı-sıkıya bağlanmak için hareketi çekecek ve muvaffakiyetle yürütecek tek bir idarenin vücade getirilmesi, hiç şüphesiz, içinde bulunduğumuz siyasi vaziyetin en mühim bir mes' elesini teşkil eder.

Vaz'iyet ise çok ehemmiyetlidir. Korkunc dünya hadiseleri arifesinde bulunuyoruz. Bir taraftan son zamanların karışık beynelmilel vaz'iyeti, diğer taraftan da Sovyetler dahilindeki vaz'iyetin oldukça gergin oluşu, uyanık olmamızı âmidir

Sovyet hükümeti de uyanık bulunmağa çalışıyor. Taarrüzi bir harb için kuvvetle hazırlanan Sovyet hükümeti, bu harbe vaktından evvel sürükleneceği ihtimali karşısında titriyor. Fakat beyhüde!

Ne kızıl Kremlin'in sözde barışçılık siyaseti ne Sovyet diplomasisinin Cenevre'deki manevraları ve ne de Komintern'in dünya diplomasisi ve bütün anti-faşist elemanlarla oynadığı ikiyüzlü oyun vaz'iyeti kurtarmağa kadir değildir. Kızıl imperyalizm selefti çar imperyalizminin çarptığı gibi tarihin hakettiği cezasına çarpacaktır.

Sovyet diktatorluğunun — her halde — halk kütlelerinin gözünü boyamak maksadile yaptığı dahili islahatlar ise vaz'iyeti hiç te kurtaramaz. Defalarca bolşevik demagojisile aldatılmış halk kütleleri bu „islahatlar“ ın hakiki kıymetini pek alâ biliyorlar.

Bir müddet evvel çar zamanlarının feci hatırası teknil eski rütbe ve nişanlarına kavuşan kızıl ordu kumanda heyetini belki de şovenize etmeğe yarıya bilecek Sovyet vatanseverlik şiarı Sovyet rejiminin mahkûmu milletlerin sadakatını temin için pek te emin bir şiar değildir.

Hayır, Kafkasyalı kardeşler! Bu, tarihî bir yalandır! Sovyet milleti olmadığı gibi, böyle bir vatan da yoktur. Binaenaleyh bir Sovyet vatanseverliği de olamaz. Sovyet rejiminin esaret ve mahkûmiyeti al-

tında ezilen milletler vardır. Bu milletler kendi arzu ve iradeleri hilafına ancak süngü gücile „Sovyetler İttihadı“ denilen çenber içerisinde bulunduruluyorlar. Yalnız, esarete mahkûm bu milletlerin vatanseverliğinden bahsedile bilir.

Hakikaten de Sovyet akını ile istilâ edilen bu ölkelerde milliyetçilik ve vatanseverlik ruhu gün değil, her saat geçtikçe büyümekte ve artmaktadır.

Bu akının doğurduğu neticeler müthiştir. Hiç bir akın rus-bolşevik istilâ rejimile mukayese edilemez. Bütün ahaliyi baştan başa esir vaz'iyete sokmak, millî ruhun tamamen kökünü kesmek, yerli iktisadî menfaat ve ihtiyaçlarını hâkim Moskva'nın istismarcı keyfine tâbi kılmak, ülkeyi tam bir sefalet ve ahlaksızlığa sürüklemek, herhangi bir hürriyeti boğmak, ve beşerî hakları çiğnemek! — İşte, milletlerimizin ağlanacak nasibi!

Kanlı terörün daha ziyade Kafkasya'da, Ukrayna, Türküstan v. s. gibi müttefik ölkelerde cereyan ettiği boşuna değildir. Kızıl imperyalizmin kanlı eli ölkelerimizde, değil yalnız belli millî elemanları, millî eğinticilikle şüphelenen yerli komünistleri dahi takib etmektedir.

Kurban ve dehşetler sanki azmış gibi, kana susamış düşman, yeni-yeni cinayetler yapmakta devam ediyor.

Bütün Kafkasya ve teknil millî cumhuriyetlerde millî elemanları kana boğmak işi sona ermiş değildir. Ölüm kararları amansızca verilmektedir. Günahsız kurbanlar onlarca idam edilmekte ve terör her yerde dehşet ve korku saçmaktadır.

Bu çılgınca kana susamışlık bizi hiç te yıldırmasın. Eski hakıktır: müstebid bir hükümet görünüşte ne kadar amansız ve sert ise, içten o kadar zayıf ve kendine emin değildir, demektir.

Söz yoktur ki işimiz yüngül ve vazifemiz kolay değildir. Fakat, yapacaklarımız açık ve bellidir: ruhtan düşmemek, provokasyona kapılmamak, millî kuvvetlerimizin teşkili için çalışmak ve ihtilâlcî enerjimizi kuvvetli bir yumruk haline getirerek bu yumruğu icabında düşmana indirmeğe hazır bulundurmaktır.

K. K. Ş. mücadelenin bekçiliğini yapıyor ve sizi ancak onun sesini dinlemeğe çağırıyor.

Kafkasya'nın canlı kuvvetleri, müteşekkil bir hale geliniz! Kafkasya milletleri birleşiniz!

Kuvvetimiz de, kurtuluşumuz da bu birliktedir!..

Unutmayınız ki, biz yalnız değiliz. Rus-bolşevik imperyalizminin mahkûmu bütün milletler bizimle beraberdirler!

Hak ile tarihî hakikat dahi bizimledir! Milletlerin istiklâli haktır ve mukadderdir! Kendi başyazılarını, milletler kendileri tayin ederler!

Kahrolsun rus-bolşevik istilâsı!

Kahrolsun komünist diktatorluğu!

Yaşasın rus imperyalizmine mahkûm bütün milletlerin hürriyeti!

Yaşasın halk hâkimiyeti ve millî istiklâl!

Yaşasın birleşmiş, konfederasyonlu müstakıl Kafkasya!..

KAFKASYA KONFEDERASYON ŞURASI

„Nippon imperyalizmi“

Dünya efkârî umumiyesi, Uzak Şark'ta çıkan havadisleri büyük bir alaka ile takip etmektedir. Hatta, daha bir müddet evvel ictimai mehafilin en fazla dikkatini çeken Şarkî Afrikadaki hadiseler bile, gene ikinci plana geçti.

Gazete havadislerine dayanarak, uzak şarkta çıkan havadislerin cereyanı hakkında açık bir fikir edinmek elbette zordur. Fakat, şüphe götürmeyen bir şey varsa, o da Nippon ile Rusya arasında senelerdenberi devam eden rekabetin artık bir neticeye doğru gelmekte olduğu ve bu ihtilafta Rusya'nın her cihette gerilediğidir. İhtilafın son senelerde son derece şiddetli bir şekle girdiği dahi açık bir hakikattir. 1932-nin Şubatından itibaren Mançu-Ti-Ko, Mogolistan ve S. S.S.R. hudutlarında kendini gösteren 91 musallah ihtilaf, bu ciheti pek alâ teyid etmektedir. Şuna da işaret edelimki bütün bu ihtilaflar Rusya nüfuzunun her zaman darbe yemesine sona ermiştir.

Avrupa matbuatı organlarından bir çoğunun Nippon'a karşı almış oldukları vaziyet dikkate değer mahiyettedir. Bu gazeteler, kadim, asıl ananeler ülkesine, hotkâmca işgalci gayeler atfetmektedirler. Avrupa'nın işgalci ananesinden çok uzak bulunan bu millet, Avrupa emperyalistlerinin çürük metodları ile harekete geçen bir gasib rulunda tasvir edilmektedir.

Bir defa şunu bilmelidir ki, nipponun asya ülkesine taarrüzü, ötedenberi malûm emperyalizm hareketinden mahiyetce farklıdır. Asya'ya hareket eden Nippon işgala susamış, bir vaziyet göstermiyor ve milletleri tazyike tabi tutmuyor. Bununla beraber, Nippon bu ileri hareketinde sırf hotkâmca maksatlara da bağlanmış değildir.

Beynelmilel hayatta kabul edilmiş anlamlara dayanarak ve diplomasi kabinelerinin dilini kullanarak itiraf etmek mecburiyetindeyiz ki, Nippon, yakınında bulunan ülkenin mükadderatına hayafî bir alaka ile bağlıdır. Vulkanik adaların mahdud sahaları içerisinde boğulan 80 milyonluk bir milletin müstakbel hayatı, yakınında bulunan ülkeye çıkmadan hakikî bir tehlike altında bulunuyor. Nipponun Asya da açılma hareketi en şiddetli bir zaruret neticesidir.

Bu açılma hareketinin yolları avrupanınkinden çok uzaktır. Nippon Asya'ya doğru bir müstevli ve tazyıkçı gibi hareket etmiyor. O, açılmanın büyük bir ihtiyace tekabül ettiğini düşünerek hareket yaparken, kendi menfaatini küçük kardeşleri — Asya milletleri arasında harsî ve medenî bir misyonla sıkı sıkıya bağlı

Ömer Oğuz

Terk-Kala — „Şimalî Kafkasya ölkesinin“ umûmî merkezi

„Şimalî Kafkasya ölkesinin“ umumî merkezi, bu defa Terk-Kala şehrine olmak üzere, gene köçürülmüştür. Bunu, Tass ajansı 8 Son Kânun tarihli telgrafında haber vermektedir.

Haberde deniliyor, ki: „SSSR komiserler heyeti Şimalî Kafkasya ölkesinin merkezini Piatigorsk şehrinde Orjonikidze şehrine köçürmeyi münasib görmü-

görüyor. Nippon, Asyada kendi fazla ehali için yalnız pazar ve erazi aramakla meşgul olmuyor, aynı zamanda asya milletlerinin yeniden kuruluşu ve ecnebî esaretinden kurtuluşu gibi büyük bir vazifeyi dahi yapıyor.

Bu suretle Nippon emperyalizmi dedikleri hareket, Asyada kurucu bir amil sıfatıyla ortaya çıkarak asya milletlerinin sağlam milliyetçi esaslar, nizam ve asayiş üzerinde uyanış devrine girmesine yardım ediyor.

Nippon'un kendi tarihi vazifesini düşünmesi, artık netice vermiştir. Yüz yıllardan beri anarşi içerisinde bunalan koca Çin, şimdi bir nizam altına girmek üzere bulunuyor. Ortadan kaldırılmış kadim macçuko sülalesi gözümüzün önünde var oldu. Çingizilerin maruf yurdu Mogolistan da uyanış devri arifesinde bulunmaktadır. Bütün bu büyük işler Nippon'un bir kaç yıllık gayretinin mahsuludur.

Çok ihtimal Moskva'nın tesir ve gayretile olacak ki, Avrupa matbuatı Nippon'un Asya'daki muzaffer seferini Avrupa kültürü ve beyaz ırk için en feci bir tehlike sıfatında göstermekle „sarı tehlike“ efsanesini yeniden diriltmeğe çalışıyor. Bu kabil düşünceler hiç şüphesiz hiç bir esasa dayanmıyor. Nippon, kendine bu derece muazzam ve tahakkuku kabil olmanın meseleleri vazetmiş değildir. Realizm, daima Nippon siyasi tefekkürünün karakteristik bir ciheti olmuştur.

Nipponun Asyada güttüğü son gayesi tamamen reyaldır, en mühimi, şükranla layıktır. Nippon açılma hareketinin asil hedefi Rusyadır — Nippon Rusyayı Asyadan uzaklaştırmak istiyor. Nippon, pek iyi biliyor ki, Rusyaya Asyada yer olamaz ve Rusya'nın „ev-roazi“ mahiyetini ileri süren ideolojik zihniyet, rus emperyalizminin asya cephesini tevsîye yarayan bir vasıtadan başka bir şey değildir.

Rusya, Asyada bozucu ve tehlikeli bir unsurdur. Rusyayı buraya getiren yollar kanlara boğulmuş, bir çok millet ve medeniyetlere mezar olmuştur. En az mukavemet olan yollar üzerinde büyüyen Rusya, Asya üzerine bir menfaat hırsı, lüzumsuz işgal ve tahribat yapmak suretile yürümüştür. Şimdi artık bunun önüne geçilmiş ve bu da Nippon'un gayreti sayesinde olmuştur.

Nippon, Rusyayı Asya'dan koğmakla, Rusya emperatorluğu zihniyetine dağıtıcı bir darbe vuruyor ve rusya milletler mahbesinin kapularını parçalıyor.

Doğan güneş ve Çiçeklenen Vişne memleketi Hürriyet getiriyor!

Ştür. Sovyetler evi (devlet müesseseleri binası) yapılması için SSSR komiserler heyeti 5 milyon ruble, menzil inşaatı ve su techizatı için 12 milyon ruble ayırmıştır. Bütün inşaat 1936 ncı yılın sonuna doğru ikmal edilmelidir.

Bu haberi derceden sovyet gazeteleri şunu da ilave ediyorlar, ki ölke müesseselerinin Psihuab'den

(Piatigorsk'den) Terek-Kalaya (Orjonikidze) taşınması filen bu yılın son baharında, yani inşaatın ikmalinden sonra icra edilecektir.

Bu suretle, hatırlarda olduğu gibi, sabık „Şimalî Kafkasya ölkesinin“ „Azak-Karadeniz“ ve yeni „Şimalî Kafkasya ölkesi“ halinde iki parçaya ayrıldığı tarih olan 1934ün son kânun ayından bu güne kadar Terek-Kala üçüncü şehirdir, ki „Şimalî Kafkasya ölkesine“ merkez oluyur.

Malum olduğu üzere, ilk paytaht olarak Gum-Kala (Georgiyevsk) şehri olacaktı. Fakat bu şehir vazifesini resmen ifa etmekte idi, çünkü filen bütün merkez müesseseleri Psihuabe şehrine taşınmıştı ve Gum-Kalada lâzım gelen inşaat yapıldıktan sonra bu şehre köçülecekti. Çok geçmeden Gum-Kala'nın paytaht olması fikri temamilen unutuldu ve öлке merkezi olarak, müesseselerin filen bulunduğu Psihuabe şehri kaldı. Şimdi, görüyoruz, ki bu da değişikliğe uğratılmıştır.

Yeni öлке paytahtının tarihi Rusyanın Kafkasyada hakimiyeti tarihile sıkı surette bağlıdır.

Terk-Kala şehri, rus-gürcü muahedesinin şarkî Gürcüstanda kat'î nüfuz temin etmeğe başladığı 1774 senesinde yapılmaya başlamıştır.

O yıl Terek nehrinin sağ sahilinde, Kabarda ile Osetiyada, Gürcüstanda giden yolu koruyacak dört müstahkem mevki inşa etmişlerdi. Bunlardan biri bir dağlı aulunun ankazi üzerinde yapılmış olan en cennubdaki „Vladıka Kavkaza“ (Kafkasyanın Sahibi) gibi büyük bir ad aldı fakat sonralar Vladıkavkaz şekline girdi. Şimalî Kafkasya kabilelerinin çoğu bu kal'eye Terk-Kala dediler.

Lakin bu kal'eler çok yaşamadılar. 1768 de, bütün Şimalî Kafkasyayı birleştirip rus akınını durdurmağa muvaffak olan İmam Mansur zamanında bu kal'eler işgal ve tahrib edilmiştir.

Ançak 1806 ncı yılda ruslar yeniden bu kal'eleri ihya ve yeni askerî kuvvetlerle işgal etmeğe muvaffak olmuşlardır.

İmam Şamilin hakimiyeti devrinde, İmamın Kabarda ve Osetiya ile birleşmesine mâni olmak için Terk-Kaladaki rus kıt'aları daha ziyade takviye edilmişti.

1861 de Terk-Kala şehir olarak ilan edildi. O günden itibaren, ta 1917 ihtilâline kadar Terk-Kala sabık Terek eyaletinin idarî merkezi olarak kaldı. Müstahkem kal'e halinden çıkan Terk-Kala, Kafkasyadaki üç rus korpuslarından birinin merkezi olmak itibarile, Kafkasyada rus hakimiyetinin istinadkâhi vazifesini görmekte devam etti.

Şimalî Kafkasya istiklâli ilan edildikten sonra Terk-Kala cumhuriyetin paytahtı diye kabul edildi. 1921 de, Sovyet hükûmeti geldikten sonra „Dağlı sovyet cumhuriyetinin“ paytahtı oldu. Bu „cumhuriyet“ temamilen likvide edildikten sonra, 1924 de, öлке icraiye komitesine tâbi muhtar bir vilayet hakkını kazandı. 1932 de, Terk-Kala, Vladıkavkaz halinden, Stalinin yakın adamlarından ve 1918 de Şimalî Kafkasyada çalışmış olan Sergo Orjonikidzenin adına izafeten, „Orjonikidze“ haline geldi. 1933 de bu şehir Şimalî Osetiya vilayetinin merkezi olmak üzere, bu vilayete rabtedildi.

İşte, Terk-Kala'nın kısa tarihçesi bundan ibarettir. Öлке merkezinin değişmesi hakkındaki karar mün-

asebetile, öлке icraiye komitesi reisi Pivovarovun beyanatı çok maraklıdır. „Şimalî Kafkasya bolşeviki“ gazetesinin muharririle görüşen Pivovarov demiştir, ki:*)

„... Hükûmetin kararına sebep, Şimalî Kafkasya ölkesinin merkezini coğrafî bakımdan da millî mintakalara yaklaştırmak arzusudur. Büyük sanayi müesseselerine ve kuvvetli proletar kitlesine, yüksek mekteplerle medenî teşkilatlara mâlik olan Orjonikidze şehri her cihetten Şimalî Kafkasyanın siyasî, idarî ve medenî merkezi olmağa layıktır. Ölkenin yeni paytahtı, ölkemize dahil bulunan muhtar vilayetlerle muhtariyetli Dağıstan sovyet cumhuriyetinin ortalarındadır“...

Bir az sonra ise:

„...Hükûmetin bu kararı ölkemiz için büyük siyasî ehemmiyeti haiz olup hepimizden büyük yük ve ciddî faaliyet talep eder“...

Pivovarov yapılan islahatın „büyük siyasî ehemmiyeti“ ve tasavvur olunan „büyük ve ciddî faaliyetin“ mahiyeti hakkında başka hiç bir izahat vermemiştir.

Fakat, rus hükûmetinin Şimalî Kafkasyada, alelumum „civar ölkelerdeki“ siyasetini bildiğimiz için Pivovarovun sözlerini kalaylıkla deşifre edebiliriz.

Mecmuamız sahafelerinde kaç defa kaydolunmuştur, ki sovyet hükûmeti (ondan evvel çar hükûmeti) turafından Şimalî Kafkasyanın idarî—territorial teşkilatında yapılan her hangi bir değişikliğin birce esas gayesi vardır: asıl yerli ahalinin pozisyonunu zayıf salmak. Şüphe yoktur, ki tetkik ettiğimiz şimdi ki kararın da gayesi o dur.

Bunu teyid eden bir çok deliller vardır.

Terk-Kala, rus hakimiyeti esnasında meydana gelen şehirler gibi imperatorluğun en tipik bir „civar“ şehri idi. Onun ahalisi başlıca olarak rus memurlarile rus askerî kuvvetlerinden ve iş maksadile gelmiş rus amelesinden ibaret idi. Terk-Kalanın karakteristik hususiyetlerinden biri de „mütakaidler“ şehri olması idi. Mütakaid rus zabitanı, rus memur v. s. si şehrin güzelliğ, sağlam iklimi ve ucuzluğu sayesinde buraya akıp oturlardı. Şehirde hâkim mevkiinde olanlar terakki kazakları ve onların müesseseleri idi. Asıl yerli, şimalî-kafkasyalı unsurlar bu gelmeler içinde temamilen gayboluyordu. O zamanın istatistik terminolojisine göre „kafkasyalı yerliler“ (1914 in sonuna doğru) Terk-Kala ahalisinin 14% nisbetini teşkil etmekte idiler.

Şehrin „ictimâî siması“ tam mânasile „ufakburjua“ siması idi. Pivovarovun iddiasına rağmen Terk-Kala hiç bir zaman „büyük sanayi bazası“ olmamıştır ve hiç bir zaman „kuvvetli proletar kitlesine“ malik olmamıştır. 1912 de şehrin sanayi müesseselerinde ancak 1119 işçi çalışıyordu 1934 de ise sanayi amelesi ancak 6133 kişiyi bulmuştu.

Aynı zamanda şehrin nüfusünde 70.000 den 110.000-e kalkmıştı. Terk-Kalanın bu vaz'iyeti neticesinde olacak son günlere kadar bu şehir ştat harici biryer halinde burakılmış ve merkezin dikkat nazarını çekmemiştir.

Bu müddet zarfında şehir simasını esaslı surette değiştirdi. Terk-Kala, rus mütakaidler „ve sektantlar“*)

*) „Şim. Kafk. bolşevik.“—12.I.1936.

*) Şehrin iki büyük ve geniş mahallesi — Molokan ve Kursk mahalleleri sektant denilen molokanlarla iskân edilmiştir.

şehir halinden ekseriyeti kafkasyalı olan hir şehir haline geldi. 1924 de 72069 kişiden ruslar 57,7%, şimalî kafkasyalılar—20,8%, ermeniler—10,8%, gürcüler—6,6%, iranlılar—2,3% teşkil ediyorlardı. Bunlardan sonra yunanlılar, dağlı ve avrupa yehudileri, ukraynalı, leh, alman, asorî ve başkaları geliyordu. 1934 de 110.000 bulmuş olan ahaliden rus, ukraynalı ve belorusların hesabına*) 51,2% geliyordu, şimalî kafkasyalılar 34,6% nisbeti bulmuşlardı, ermeniler—7,1%, gürcüler 3,7%, yunanlılar 1,7%, lehler 0,6% nisbete inmişlerdir.

Bu suretle, rakamlardan görüyoruz, ki şehrin ahalisi Şimalî Kafkasyalılar hesabına artmıştır. Kendi haline bırakılan (tabii nisbeten) Terk-Kala, yalnız mevkii coğrafi bakımından değil, ahalisinin milleyeti cihetce de Şimalî Kafkasya şehri haline geliyordu. Aralarında „millî eğitiler“ keşfolunan mühim miktarda şimalikafkasyalı mekteb gençliğinin ve sovyet hükûmetine çok da hararetle bağlı bulunmayan menden müessese ve ilim adamlarının şehirde toplanmış olması, Terk-Kala'yı şimalî-kafkasya millî hayatının merkezi haline getiriyor ve onun ehemiyetini yüksel-

*) Sovyet istatistikî rus, ukraynalı ve belorusları „civarlarda“ hop beraber alıyor.

Canbek Havjoko

HACİ MURAD'IN HAYATI

Dağlıların kurtuluş savaşlarında Imam Şamil'den sonra ikinci büyük şahsiyet, hiç şüphesiz Hacı Murad'dır. Büyük bir teessüfle kaydedelimki, Hacı Murad Kafkasya harbinin Şamil ile beraber bitirmemiştir. Bu iki büyük şahsiyet arasında nâhoş bir husumetin baş göstermesi ve neticede Hacı Muradın feci bir akıbete uğraması mukaddermiş. Bu faciyanın bir rivayetini Lev Tolstoy'un edebî bir hikâyesinden biliyoruz. Bu rivayet, resmîdir, resmî rus menbalarına dayanıyor. Hiç şüphesiz bunda bir çok doğru olmyan cihetler ve o zamanın rus hükûmeti malûmatına dayandığı için gazezkârlık fikri vardır.*)

Fakat, bu resmî rivayet yanında bir de başka, yani dağlı, halk rivayeti vardır. Bu rivayet, nesilden nesile, ağızdan ağıza geçen halk rivayetleri üzerine vücade gelmiştir. İhtimal bunda da bir takım doğru olmyan cihetler vardır. Çünkü nede olsa bir rivayettir. Fakat, hiç şüphesiz bu rivayet doğruya en yakın olanıdır. Çünkü bunu vücade getirub muhafaza eden, her şeyden evvel kendi hotkâm menfaatlerini güden düşman değil, halktır.

Bu rivayet toplanarak 1927-de „Dağıstan mecmuası“nın III cî cildinde dercedilmiştir. Hülasaten aşağıya alıyoruz.

Gitino-Mogoma'nın oğlu olan Hacı Murad 19 cî asır başlarında Hunzak'da dünyaya gelmiştir. Babası Gitino-Magoma ruslara karşı yapılan bütün harb ve kıyamlara iştirak etmiş ve kendi cesaret ve mertliği ile temayüz etmişti. Mensub olduğu aile (tohum)

*) Bu malûmat şimdi bile doğru bir şekil almış değildir. İdare.

tiyordu. Böyle bir şerait içerisinde şehrin „millîleşmede“ devam etmesi, sovyet hükûmeti için muhakkak bir tehlike teşkil etmekte idi. Bu vaz'iyetten çıkmak için bir yol bulmak lazımdı.

İşte, görüyoruz, ki çıkacak yol bulunmuştur. Bu yol da, Pivovarovun „büyük siyasi ehemmiyeti“ haiz olduğunu kaydettiği „izahattan“ ibarettir. Ülke merkezinin Terk-Kalaya nakli hakkındaki kararlar, söz yok, ki istilâ hükûmeti şehrin rus şehri halinden çıkmasına mâni olmak istemiş ve, ona, sabıkda olduğu gibi, rus vilayet merkezi şeklini vermek istemiştir. Sayısız ülke müesseseleri, onların sayısız memurları ile aileleri (ki, aralarında şimalî-kafkasyalı yok gibidir) Terk-Kala, da rus pozisyonunu ihya edeceklerdir. Sonralar buradan etrafa yayılarak, bütün gayretlere ragmen rus nüfuzunun daha çok zayıf bu lungduğu cenubdaki şehir ve aullarımıza dolacak, buralarda dahi Terk-Kaledeki rolünü oynıyacaktı: yâni Şimalî-Kafkasyanın millî pozisyonunu zayıfleterek rus imperyalizminin pozisyonunu kuvvetlendirecekler.

Sovyet hükûmetini bu „islahata“ sevkeden saik, işte bu olmuştur ve Pivovarovun bahsettiği „büyük ve ciddi faaliyet“ de bundan ibaret olacaktır.

Millî Şimalî Kafkasya ebedî düşmanının bir hamlesini daha geçirmek mecburiyetinde kalacaktır.

„Tavulal“ adını taşıyordu. Hacı Murad çocuk iken Kuran, Muhtasar ve Tasrif okumuştur. Ancak avarca yazar, okur başka dil bilmezdi. Kendi ciftliğinde çalışarak bütün işlerini yapar ve bununla geçinirdi. Daha genc yaşından at ve silahi sevmiş, gerek binicilikteki marifeti ve gerekse silah kullanmaktaki meharetile temayüz etmişti. Atıcılığı hakkında dağlarda masallar söylenirdi. Diyorlardiki, Hacı Murad düşmanına hiç bir zaman ikinci defa ateş açmamıştır. Annesinin anlattığına göre, doğulduktan sonra Hacı Murad'ın her iki eli bir sene müddetince kan renginde imiş. Hacı Murad görünüşte güzel degildi. Boyu orta ve her iki ayağından hafifce aksaktı. Bununla beraber vucudca çok kuvvetli ve kedi gibi çevik idi.

Hacı Murad avar han ailesile süt akrabası idi. Imam Hamzad-Bek bu han ailesinin erkek neslini tamamen imha ettikten sonra, Hacı Murad ağabeyisi Osmanla beraber intikama ve Imami öldürmege karar veriyor. Hanların ölümünden üç ay sonra intikam yerini buluyor ve Imam Hamzad-Bek, Hanzuh'da mes-cidde dua ederken, Osman ve Hacı Murad—idaresinde olan Tovulal ailesinin adamları tarafından katlediliyor. Imami bizzat öldüren Osman da, Imamın yakın adamları tarafından öldürülüyor.

Hamzad-Bek öldürüldükten sonra, müridleri Hunzah'i terk ediyorlar. Imamlığa Şamil geçiyor. Hacı Murada düşman olan hunzahlı Karakişi Gimbat nam birisi ruslara giderek Hunzah'i, Dağıstanda yayılan müridizm'den halâs etmelerini ruslardan rica ediyor. Rusların adamı Ahmet Han, Avar hanı tayin ediliyor. Hunzah'da rus garnizonu görünmege başlıyor. Rus ümerası Hacı Muradın halk üzerindeki büyük tesirini

gözde tutarak onu zabıtlığe terfi ile Hebdalal mıntakasına naib tayin ediyorlar. Karakişi Gimbat'da hunzah naibliğine getiriliyor.

Yayılmağa başlayan müridizm ile Hacı Murad arasında maktul Hamzad-Bek'in kölgesi bulunmasına rağmen Hacı Murad rusların Avaristandaki efendiliklerini pek te hoş görmüyordu. Bütün kuvvete rus tesirinin kökleşmesine mani oluyor ve ehaliyi rusların keyfi hareketinden muhafaza ediyordu. İşte bu vaziyet en nihayet Hacı Muradın müstevlilerle ihtilafe girmesini mucib oluyor.

Günlerden birgün, Hacı Murad, âmiri Ahmed Handan, kendi mıntakasına dahil her evin bir eşek yükü odun tedarik ederek rus garnizonu için Hunzah kalesine götürmesine dair bir emir alıyor. Bu emre karşı ehali Hacı Murada ülkede orman olmadığı için istegini yerine getirmenin imkânsız olacağı cevabını verince Hacı Murad şu mazmunda bir mektub gönderiyor:

„Mıntakama dahil ehalinin odun götürmesine dair vermiş olduğunuz emrin icrası çok müşkül ve imkânsızdır. Ehali odun götürmeyeceğini söylüyor”.

Ahmed-Han bu mektubu Gimбата gösterdi. Şunu da kaydetmek lazımdırki, Ahmet Han'da Gimbat gibi Hacı Murad'ı pek sevmiyordu. Her ikisi rusların Hacı Murada ehemmiyet verdiklerini bildikleri için rekabet yapmaktan korkuyorlardı. Karakişi Gimbat Ahmed Hana şöyle bir fikir telkîn etti: Hacı Murad'ın kendisinin ehaliyi itaatsızlığa tahrik ettiğini ve İmam Şamil ile gizli münasebette bulunduğunu söyleyerek Hacı Muradı rusların gözünde lekelemek.

Neticede Ahmed-Han amirlerinin muvafakatı üzerine Hacı Murad'ı nezdine çağırarak tevkîf etti ve bu tevkîfin ehalden gizli tutulmasını bir emirle tenbih etti. Bir kaç gün sonra Hacı Murad'ın Temir Han Şura'ya gönderilmesine ve oradan da Rusya içerlerine sürülmesine karar verildi. Mevkuf Hacı Murad geçeleyn 24 muhafızın refaketinde Hunzah'dan çıkarıldı. Elleri ipe kuvvetli olarak bağlanmış ve ipin ucuda iki askerin eline verilmişti. Gözleriyle ağzı mendil ile bağlanmıştı. Karanlık bir kış gecesi idi. Yollar tamamen karla örtülmüştü. Bir az sonra muhafızlar yoldan saptıkları için Hacı Murad'ın gözlerini açmak ve ondan kendilerini Temir Han Şura istikametine götürmesini rica etmek mecburiyetinde kaldılar. Hacı Murad'da onları kendisi için firara elverişli bir yoldan götürdü. Bulsra köyü yakınlığındaki yol, kenarları keskin kayalık olan bir uçurumdan geçiyordu. Hacı Murad, firar zamanının geldigine hüküm etti ve fazla düşünmeden uçuruma atlayarak muhafızların gözünden kayboldu. Askerler firarının parça parça olduğuna hükmettiler. Ortalık aydınladıktan sonra uçurumun göz karartan derinliğini görünce bu hükümleri daha fazla katıyet kesbetti. Çaresiz Hunzah'a dönerek Hacı Murad'ın uçuruma yuvarlanarak öldüğünü haber verdiler.

Hacı Murad ise yaşıyordu. Uçuruma atlamak Hacı Murad'ı bir mucize kabilinden ancak kısa bir müddet için sarsıtmıştı, az sonra kendine gelerek uçurumdan çıktı. Gotsatlı auluna, akrabası Artsu Meer'e doğru yol aldı. Akrabası yanında bir kaç gün istirahat ettikten sonra İmam Şamilin yanına gitmeğe karar verdi. Artsu Meer kendi at ve silahını Hacı Murada

verdi o da o sıralarda İmamın ikametgâhi olan Dargo auluna doğru yola çıktı.

İmam, yeni gelen müsafiri evelce pek te itimadla karşılamadı. Ahmed Hanın rus rütbesi alan naibi her halde bir şüphe uyandıracaktı, üstelik, Hacı Murad'ın tevkîf ve firar tarihi İmamca henüz duyulmamıştı.

Avar ve Andi eyaleti hududunda o zamanlar İmamat malikânesile rus mıntakayı nufuzu arasında bitaraf bir mıntaka olan Tloh köyü vardı. Hacı Murad bu köye naib tayin edildi, bu tayin, onun sedakatini ve sözlerinin doğruluğunu isbat edecekti.

Tlohular şeriat naibinin hakimiyetini bila itiraz tanıdılar. Az müddet sonra Hacı Murad, Tselmes auli ile beraber aynı mıntakanın daha bir kaç köyünü İmamın hakimiyeti altına geçirmeğe muvaffak oldu. Hacı Murad'ın Tloh aulunda olduğu Hunzah'da duyulunca, Taymashan Magoma, Ali Magoma ve Egitilan gibi sınanmış dostları Hacı Murad'ın yanına firar ettiler. Dostlarının gelişinden sonra Hacı Murad ikametgâhını Tselmese göçürdü.

Hacı Murad'ın firari düşman saflarında büyük bir telâşi mucib olmuştu. Düşman Hacı Murad'ın Hunzah yakınlığında mesul bir mevki aldığını duyunca bu telaş daha fazla artmış oldu. Ruslar Hacı Murad'ın yerli ehali üzerindeki nufuzunu ve büyük bir enerjiye sahip olduğunu bildikleri için yerinde rahat oturamayacağından endişe ediyorlardı. Bu işden bilhassa, Hunzah'da ancak rusların yardımile tutunan Ahmed Han endişe duyuyordu. Ahmed Han, tehlikeli komşudan kurtulmak maksadile Hasan nam birisini Hacı Muradı öldürmeğe tahrik etti. Fakat gönderilen katilin niyeti derhal keşfedildi ve neticede hiç bir şeye muvaffak olmıyan katil kellesini verdi.

Bu iş akım kalınca rus kumandanlığı, Hacı Murad'ı açık kuvvetle imha etmeğe karar veldi. Rus hizmetinde general mayor olan Ahmed Hanın idaresi altında bulunan mühim miktarda ve muntazam bir kıta Tselmese yaklaşarak köyü ihate etti. Başgın âni olduğu için Hacı Murad bir kaç yakın adamile beraber zorla mescidde kapana bildi. Akşama kadar kendisini mescidde müdafaa etti. Karanlık çökünce de bir yolunu bularak muhat olduğu halkadan çıkmağa muvaffak oldu. Aynı günün gecesi kendi naibliği ehalisinden müfrezeler teşkil ederek sabaha karşı taarrüze geçti. Neticede düşman perişan bir halde Hunzah'a çekilmek mecburiyetinde kaldı. Bu müsademeden sonra ruslar Hunzahı ve alelumum Avaristani terk ettiler.

Bu parlak zafer, Hacı Murad'ın samimi olduğuna dair İmamda kat'i bir kanaat uyandırdı. Bir müddet sonra İmam Hacı Murad'ın naibliğini ziyaret ederek bir kaç gün Orota köyünde kaldı ve Hacı Murada bizzat teşekkür ederek mükâfatlandırdı.

Tselmes müsademesinden 3 sene sonra Hacı Murad Hunzah naibliğine tayin edildi. Hacı Murad bu yeni vazifesinde kendi askerî istidadını bütün parlaklığı ile gösterdi. Hacı Murad yaptığı akınlarda nadir görülür bir cesaretle temayüz ederek hakikaten dahi bir süvari reisi olduğunu gösteriyordu. Küçük bir müfreze ile düşmanın ardına sokularak düşmanı perişan bir hale getiriyor ve panik çıkarıyordu. Hatta günlerden bir gün, hattın reisi general Argutinski'yi çalmak için, rusların Lezgi hattı'nın merkezi adını verdikleri Temur-Han Şuraya bir başgın bile yapmakt-

tan çekinmedi. Bu başğını muvaffakiyetle neticelenmedi, çünkü evi yanlış bellemiş, çok ışıklı hastahaneyi generalin evi zanetmişti. Bütün bu müddet zarfında Hacı Murad, Avaristandaki bir çok kıyاملardan başka 12 büyük başğın yapmıştı. İmamın hazinesi çok zengin ganimetler kazanıyordu. Ruslardan temizlenen Avaristan da çok memnun ve kendini toplamıştı. Bütün bunlar Hacı Muradın nüfuz ve şöhetinin yayılmasına sebep oluyordu.

Fakat bu nüfuz ve şöhetin arkasınca hased başladı. Hacı Murad'ın bu derece şöhet kazandığını hoş görmeyen adamlar belirdi. Bu işde hiç süphesiz, dağlı saflarında ihtilâf ve ayrılık vücude getirmek için her vesileden istifade eden rus ajanlarının dahi mühim rolü vardı. Neticede hayrihah olmayanlar İmam huzurunda Hacı Murad aleyhine konuşmağa başlayarak İmama, hunzah naibinin İmama kâfi derece sayğı beslemediği ve ilk fırsatta imamlığa geçmek hevesinde olduğu fikrini telkin etmeğe çalıştılar.

Bu şayialari tetkik etmek niyetile İmam Dargo'da bütün naiblerin bir toplantısını davet etti. Hacı Murad da kendi kadısı Debir İnkaçılan ile beraber davete icabet etti. Toplantıyı açan İmam, Vatan uğrunda yapılan mücadelede gösterilen gayret ve mertliğe teşekkür ederek kendi faaliyetinin uzun senelerini hülâsa etti ve şimdiki halde dağlıların vaziyetinin çok kuvvetli olduğunu, ruslar tarafından bir tehlike mutasavvır olmadığını anlattı ve nutkunu şu sözlerle bitirdi: „Artık ben ihtiyarladım. İmamlık vazifesini yapmak şimdi bana çok zor geliyor. Bugünden itibaren bu vazifeyi oğlum Gazi-Magoma devr etmeği muvafık buluyorum”. Hazirundan kimse itirazda bulunmadı. Yalnız Hacı Murad söz istedi. Söze başlayan Hacı Murad İmamın tekmil efsanevî ve kahramanca faaliyetini anlatarak İmamın çekilmesi neticesinde dağlı işinin son derece sarsılacağını kaydetti ve en sonda şunları ilave etti: İmam, sen imamlık vazifesini yapamıyacak kadar ihtiyar degilsin. İmamlığı kendi oğluna şimdi devretmesen de o senin vefatından sonra pek kolay imamlık payesine çıkabilir. Sag oldukça imamlığı kendi elinde bulundur”.

Bu sözlerden sonra, toplantı da vazifesinde kalması için İmama ricada bulundu. Toplantıdan sonra Hunzah'a dönen Hacı Murad göya şöyle demiş: „Şamil daha hayatta iken imamlığı kendi oğluna devr etmek istedi, aceba Dengau (Şamilin babası) nun imamlığa geçmek hakkı varmidi? Şamilin vefatından sonra imamlık vazifesini cesurlardan biri, kılıcı daha keskin kimse o üzerine alır”.

Hacı Murada refaket eden Debir İnkaçılan avdet ederek bu sözleri İmama söyler. Rivayete göre bu adamın Hunzah naibliği mevkiinde gözü varmış. Bu vakadan sonra İmamın şüphesi daha fazla artmağa başlıyor. Bir müddet sonra Hacı Muradı vazifesinden azletmeğe karar vererek yerine Fatali Hani tayin ediyor. Hacı Murad da hiç bir mukavemet göstermeden naibliği Fatali Hana teslim ederek Botlih aulunda yerleşiyor.

Hacı Murad'ın vazifeden çıkarıldığı haberi ruslara kadar gidiyor. Kumandanlık, Hacı Murad gibi tehlikeli bir düşmanın âtil bir vaziyete geldigine çok seviniyordu. General Argutinski en iyi naibin bu vaziyetinden istifade etmeğe ve kendi tarafına çekmeğe karar verdi ve Hacı Murada şöyle bir mektub gönderdi:

„Şamil ile aranda bir husumet olduğunu ve aranızda düşmanca askeri harekât çıktığını öğrendim. Eger yardıma ihtiyacın varsa bu akşamdan sabaha kadar Alla Art maheline orasını tamamen dolduracak kadar asker ve kazak göndereyim”.

Hacı Murad da şöyle cevap verdi: „Kuvvetim az olsada, aramızda Allahın mukadder kıldığı şey vuku bulacaktır. Yardımına ihtiyacım yoktur”.

Ruslarla müzakerat bununla bitti. Halk rivayeti, yukarıda kaydedilen muhabereden başka Hacı Muradın ruslarla müzakerede bulunduğunu redediyor. Hacı Murad halkın nazarında düşmanla müzakereye girişerek düşmandan yardım isteyen bir hain degildir.

Bir müddet sonra Hacı Murad Botlih'dan Tselmes,e göcüyor. 85 lik ihtiyar annesi, karısı Sana, oğlu Abdül-Kadir kızları Samishan, Bahu, Baltika, Kitlilay ve oğlu Gulla yi da kendi yanına alıyor. Mikki Haydarbek, Ali Magoma, Gamzalan, Eldar, Hacı Magoma v. d. yakın dostları da Hacı Muradın bulunduğu yere taşınıyorlar. Tselmes'de İmamın münasebatında bir değişiklik hüsule geleceği ve neticede Hacı Muradı gene aktif işe davet edeceği zamanı beklemeğe karar veriliyor. Fakat zaman geçiyor, beklenen değişiklik hüsule gelmiyordu. Bilakis, hayrihah olmıyanların Hacı Murad'la İmamın arasını tamamen açmağa çalıştıkları ve bu işde muvaffak oldukları haberi geliyordu. Bunun üzerine Hacı Murad, karısı Sannın dogma yurdu ve o zaman, ne Şamil ve ne de ruslara aid olmıyan Gehi auluna taşınmağa karar veriyor.

İşte, hikâyemizin en meraklı ve resmî rus rivayetinden (ve L. Tolstoy'ın tisvirinden) tamamen başka olan kısmı burada başlıyor ki, bu da cesur naibin göya günüllü olarak düşman tarafına geçtiği vak'asını ortadan kaldırıyor.

Gehi'ye taşınmağı kararlaştıran Hacı Murad, uzun uzadıye düşünmeden yola çıkıyor. Ailesi daha sonra hareket edecekti. Refaketinde 9 kişi bulunuyordu. Bu taşınma, gizli tutulmasına rağmen, Fatali Han bu hareket haberini duymuş ve İmama bildirmişti. Bunun üzerine İmam, Hacı Murad'ı yakalamaları için Gehi'ye giden yollar üzerinde adamlar bulundurulmasını emr ediyor. Hacı Murad, yolda İmam'ın sabik veznedarı Murtaz Orkançinskiye rastlıyor ve verilen emri öğreniyor. İkaz edilen firarî ihtiyat tedbirlerini alarak selametce Çeçenistanda bulunan Makkaiç auluna varıyor. Makkaiç'den Şali'ye giden yol üzerinde bir bekçi ile müsademe ederek geçmek mecburiyeti hasil oluyor. Hacı Murad, Şali'de dostu Burşikin yanında kalıyor ve aynı günün gecesi dostunun vermiş olduğu bir klağozun refakatında yoluna devam ediyor. Şali yakınlığında İmamın emrini icra için küçük bir müfreze başında gönderilen kolsuz Magoma Çirkeyevskiye rastlıyorlar. Magoma ise Hacı Murad'ı tevkîf edeceğine, bilakis ona daha fazla emin bir yol gösteriyor. İhtiyatı unutmıyan Hacı Murad, kolsuza itimad etmiyerek başka bir yoldan gidiyor ve az sonra yeni bekçilerle karşılaşılıyor. Bekçiler yolcuları yayılm ateşile karşılayarak geri dönmek mecburiyatında bırakıyorlar.

Yolcular akşama doğru Argun'dan geçmeğe muvaffak oluyor ve gece yarısı Gehi aulunun 35 verstliğinde bulunan büyük ormana kadar geliyorlar. Hay-

vanlarının ve kendilerinin yorgunluğuna bakmıyarak yola devam etmeğe karar veriyorlar. Az sonra yolu kaybettiklerinin farkına varıyorlar ve geceyi ormanda geçirüb ertesi akşam yola çıkmağı kararlaştırıyorlar. Gecenin bir kısmını ve bütün gündüzü ormanda geçirdikten sonra ortalık kararınca yola çıktılar. Şafaktan bir saat evvel saman yığınlarının bulunduğu büyük bir tarla yerine varıyorlar. Samanın kime aid olduğunu bilmeden yola devam ediyorlar. Birden yerin altından çıkıyor gibi rus askerleri peyda olarak süvarileri ihate ediyor ve silahlarını onlara karşı çeviriyorlar. Tabii, mukavemet mevzuu bahs olamazdı. Muhakkak başka bir yol bulmak lazımdı. İşte, Hacı Murad âdi bir esir vaziyetine düşmemek için gönüllü olarak ruslara teslim olan birisi rolunu oynamağı karar verdi. İsmi söyleyerek, askerlere teslim karar verdiği için kendisini amirlerinin yanına götürmelerini söyledi. Samanın kime aid olduğu da burada anlaşıldı: saman Şah-Girey (Vozdvijenski) kalesi rus garnizonunun imiş ve askerler de samani koruyorlarmış. Burası kalenin 4—5 verstliğinde idi. Bu suretle, Hacı Murad, kendi aruzu ve tahmini hilafına saygılı bir mahbus vaziyetinde düşman cephesinde bulunmuş oldu. Hacı Murad'ın bundan sonraki hayatı L. Tolstoy'un güzel hikâyesinden bellidir.

Rivayet, bu kısımda Tolstoy'un hikâyesinden hemen hemen farksızdır. Burada da Hacı Murad'ın Şah-Girey kal'esinde, Aksa'da, Grozno'da bulunduğu-

dan, Tiflise çar naibi huzuruna gittiğinden, ailesi için endişede olduğundan ve emlaki İmam tarafından müsadere edildiği için muhtac bir vaziyette olan ailesine yardım için çareler düşündüğünden bahsedilmektedir. Yalnız facianın son kısmı Tolstoyunkinden farklıdır. Rivayete göre Hacı Murad ikametine müsaade edilen Nuha şehriden firara karar vererek kendisine yüksekte bakan Nuha Hanından intikam almağı tasarlıyor. Asil firar nuha hanının da iştirak ettiği bir av esnasında vuku buluyor ve Han da bu sırada katlediliyor.

Bu hususta Tolstoyun versiyonunu dogruya daha fazla yakın saymak lazımgeliyor, çünkü nuha hanı Hacı Murad tarafından öldürülmemiştir.

Fakat ne olursa — olsun şunu söylemek lazımdır ki Hacı Murad hain bir şahsiyet olmaktan çok uzaktı, en mühimi şuki, halk rivayetleri onun hatırasını her hususta hürmetle anıyor. Halkın nazarında' Hacı Murad, tamamen tesadüfî olarak, kaza ve kaderin bir cilvesi neticesinde düşman saflarında bulunmuştur. İlk fırsatta geri dönmek çaresine baş vurmuş ve bu yolda bir kahraman, asil bir erkek ve dağlı gibi ölmüştür.

Hacı Murad'a aid bir hatıra olmak üzere Hacı Murad'ın sefer nişanı, bayrağı, halısı, destisi, sefer yemek takımı ve ölümünden bir müddet evvel alınmış bir resmi Dağıstan muzesinde muhafaza edilmektedir.

Adil-Bek Kulatti

Jugoslaviya'da Çerkesler

Eski muhaceretimizin mes'elesi ve bu muhacirlerin babalarının yurduna dönmelerinin millî uyanışımız için haiz olduğu ehemmiyeti etrafında mecmuamız sayfalarında müteaddid defalar bahs açılmıştı. Ecnebi muharrirler*) dahi, Türkiye, Suriye, Mısır ve Maverayierden'de yerleşmiş eski muhacerete dair bir çok yazılar yazmış bulunuyor ve bu gün de yazıyorlar. Buna rağmen Balkan yarım adasında bulunan çerkesler hakkında çok az bir şey yazılmıştır. Halbuki vaktile buralarda 200 bine kadar çerkes vardı.

Bir kaç sene evvelisi yani 1931 de avrupa alimlerinden Gustav Bullemer Jugoslaviya'ya Kossov-Pole'ye ilmî bir tetkik seyahatı yaparak toplamış olduğu materyalleri „Viyana Coğrafiya Cemiyeti mecmuası"nda neşr etmiştir.**)

Alelumum çerkeslerle alakadar olan müellif çerkeslerin yeni tarihi hakkında çok iyi bir bilgiye sahib olduğunu göstermektedir. Yazdığına göre çerkesler Garbî Avrupa'da ekseriyetle bir çok türk devlet adamlarının anası olmak dolayisile mühim rol oynayan çerkes kadınlarının güzelliği, aynı zamanda, vaktile bütün Avrupayı korkuya düşüren Ruslarla harb ederken göstermiş oldukları emsalsiz cesaret ve azimleri cihetle tanınmışlardır. Harb bittikten sonra da yüzbinlerce çerkes ana Vatanından sürülmüştür. Bul-

*) Alakada olanlara şu müellifleri göstere biliriz: F. Kanitz, B. T. Sarre, T. Giorjević, F. Bamberg, C. Jireček v. d.

***) „Mitteilungen der Geographischen Gessellschaft in Wien"—N 7—9.

lemer'e göre yalnız 1864 de Küçük Asya limanlarına 500 bine kadar çerkes gönderilmiştir ki, İstanbul ve İngiltere'de (Circassian Committee) geniş mıkyasda toplanan paralara ve garbi-avrupa doktorlarının candan faaliyetlerine ragmen, ağır mahrumiyetlere maruz kalmış ve kütleî bir tarzda ölümden kurtulamamışlardır.

Sürülenlerden bir kısmı yani 150—200 bin kişi avrupa Türkiye'sinin cenubi—şarkî vilayetlerine gönderilmiştir. Daha geçen asrın sonlarına doğru Rodos ve Seres'de, Lom'la Timok arasındaki ovada, Niş ve Tirot'da ve daha ileriye doğru sabik sırb hududu boyunca Kossov-Pole'de çerkesler vardı. Bir kısım çerkesler de Toplits'de Prokupl üzerinde yerleşmişlerdi Suv—Do ve Tular Brusa—Kaponik geçidini muhafaza ediyordu. Çerkes yurdları Laba, Moraviç, Morava, Vardar ve Senke nehirleri düzlüklerinin dahi muhafazasına yarıyordu.

Kossov-Pole'de çerkesler ya tamamen ayrı bir yurd halinde yahud da sırb köyleri yanında yerleşmişlerdi.

Bullemer'in iş arkadaşlarından Tiyümmeler, Bullemer'in materyali üzerine Kossov-Pole'deki çerkes yurdlarının bir haritasını tertib etmiştir. Harita'da çerkes yurdlarının adları ayrıca çizilmiştir. Tiyümmeler'in haritasını bu mekaleye ilave ediyoruz.

Kossov-Pole'de takriben 23 çerkes yurdu bulunmuştur. Bunlardan en mühimleri şunlardır: „Slavkovac"—200 ev ve bark; „Hamidiye", „Mazgid", „Po-

zaranje"—100-er ev ve bark; „Donji Livoc" 50—ev ve bark. Mütebaki köyler daha küçük imiş.

Yeni yerler muhacirlerin hiç te hoşuna gitmemiştir. 1895 de buralarını ziyaret eden Kanits'in söylediğine bakılırsa çerkes köyleri acınacak bir vaziyette imiş. Hatta çerkesler buralarda yerleştikten sonra bir isyan çıkarmış ve ikamet için daha elverişli ve iyi yerler talebinde bulunmuşlardır. Fakat bu hareket bir netice vermemiş ve zorla Kossov-Pole'de kalmağa icbar edilmişlerdir.

1876 de çerkesler bulgar isyanını tenkil işine iştirak etmişlerdi. Bullimer'e göre bu iştirak İngilizlerin çerkeslere karşı besledikleri ananevi sepmati üzerinde menfi bir tesir yapmıştı.

Çerkesler 1877—78 harbine faal bir surette iştirak ederek rus ordusunu epeyi rahatsız etmişlerdi. Harbi müteakıb yapılan hudud değişikliği neticesinde gerek Bulgaristanda ve gerekse Niş-Prokupl'deki sırb vilayetlerinde çerkes kalmamıştı. Fakat, 1900-de avusturya askerî Coğrafiyacıları Kosso-Pole'de gene 6500 kişi çerkes bulmuşlardı. Bunlar eskisi gibi davar beslemek ve satmakla ve gümüş üzerine kuyumcululukla meşgul olarak muvakkati meskenlerde ikamet ediyorlardı.

1912-deki balkan harbinden sonra yeniden kütleli muhaceret başlıyor ki, neticede belgrad profesoru Tiorgiyevic'e göre Kossov-Pole'de (Gilan'da) ancak bir kaç çerkes ailesi kalıyor. Gustav Bullemer'in bizzat şahid olduğuna bakılırsa Kossov-Pole'deki çerkeslerin sayısı daha fazladır.

Şöyle ki, yalnız Laba ve Sitnits nehri boyunca bulunan ve resmen „Donji—Stanovce" adlanan „Çerkes köy" köyünde mevcut 62 ev barkın 50-si çerkeslere aiddir ki bu da mecmuu itibarile 200 kişiden (her ailede 4—5 kişi) fazla yapar. „Velika Reka" denilen komşu köyde ise 5 çerkes ev barkı vardır.

„Çerkes köy" köy, Kossov-Pole'nin diğer köylerinden kendi, arab yazılarıyla örtülü mezar taşı mezarlığı, küçük mescidi ve küçük fakır köy evleri arasında yükselen bir ve iki katlı evlerle ayrılmaktadır.

Bullemer yazıyor ki: „ben ve arkadaşlarım köye yaklaştığımız zaman gerek kendi haricî görünüşleri ve gerekse kendilerini iyice idare edişleri itibarile Kossov-Pole'nin diğer ehalisinden tamamen ayrılan „yüksek, mavi gözlü dağ evlatları" etrafımızı sardılar. Fesli erkekler bir erkek güzelliği taşıyorlardı.

Bir müddet evvel ekseriyetle atıcılıkla—ki bütün köyün sevdiği boz at bu geçmişin bir hatırası idi—meşgul iken şimdi onlar da ziraatla meşgul bulunuyorlar.

Çerkesler, Bullemer'in intibana göre münevver insanlardır. Hepsisi—ana dilinden başka—türkce, arnavudca ve sırbca konuşuyorlar. İçlerinde arabca konuşanlar da yok değildir.

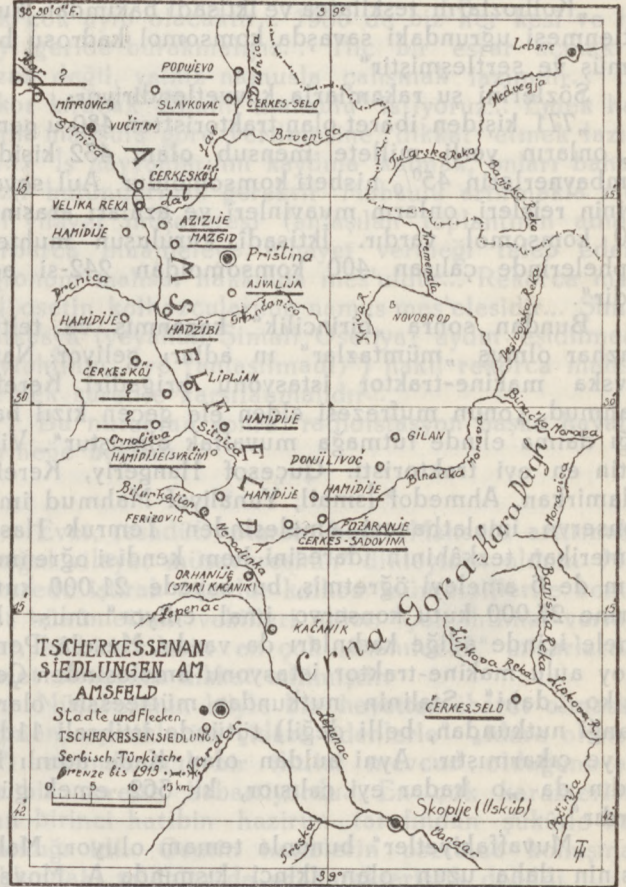
„Çerkes Köy" de kadınlar çarşafı (!) gezdikleri için seyyahlar „çerkes hanımlarının maruf güzelliği" ne bizzat şahid olamamışlardır. Fakat Bullemer'in söylediğine göre çocuklar çok güzel imiş. Çerkes kadınlarının, Balkan yarım adasının diğer müslüman hanımlarından farklı olarak mütecessis olmayışları ve mütevazilikleri seyyahların bilhassa hoşuna gitmiştir.

Avrupa'daki bu ufak çerkes vahesinin mukadderatından endişe eden Bullemer, bugünkü şerait içerisinde çerkeslerin Yugoslavyada tamamen ortadan kalmağa mahkûm bir vaziyette oldukları ihtimalini ileri

sürüyor ve buna sebep olarak da ehalinin fukaralığı yüzünden Çerkes Köy'de hakim olan „tsveykinder-sistem" i (iki çocuk) gösteriyor.

Şimali-Kafkasya efkâri umumiyesi Bullemer'in varmış olduğu neticeye iyice dikkat etmeli ve Yugoslavyadaki kardeşlerinin temessül etmemeleri için icab eden tedabiri ittihaz etmelidir.

Çok namüsaid şeraite rağmen kendi dil ve ananesini muhafaza eden Kossov-Pole'deki kardeşleri

Balkan harbine kadar çerkeslerin Kossov-Pole de ikamet yerlerini gösterir harita (çerkes köyleri çizgi ile işaret edilmiştir). Расселение черкесов на Коссовом-Поле до балканской войны (черкесские селения подчеркнуты линией).

miz, kurtuluş zamanının yakın olduğu ve vatana dönmek me'sele ve ümidi reyale bir şekil aldığı bir zamanda imha edilemez.

Ne olursa olsun yardım çareleri düşünmeli ve içtimaî bir teşekkül halinde bulunan ve irfan müesseselerine malik olan Suriye, Mısır ve Maverayierden'deki muhaceretimiz ilk sırada bu işle meşgul olmalıdır.

„Adiğe komsomolu"

Muhtariyetli Adiğe vilayetinin komünist teşkilatı kâtibi A. Movçan „Molot" gazetesinin 28.I.1936 tarihli sayısında, yukarıki başlık altında bir yazı neşretmiştir. Şimali Kafkasyanın gençlik kitlesine komünizm nazariyesini kabul ettirmek uğrunda bolşeviklerin boş yere çalışıklarına makale açık bir vesikadır.

Makale „muffakiyetleri” sayıb tökmekle başlıyor. Kızıl „gubernator“ (vali) kaydediyor, ki „muhtariyetli Adige vilayetinde komsomolun (genç komünistlerin) rolü çok büyüktür „ve ilave ediyor, ki“ komsomol, gençliğin terbiyesi işinde, bilhassa sevatsızlığa son koyma faaliyetinde, çok büyük iş görmüştür”.

Ondan sonra „komsomolun dinî fanatizme karşı savaşını“ kaydediyor, fakat elde edilen neticeden bahsetmiyor. Komsomolun „idarî—iktisadî işlerdeki ehemmiyetine „geçen A. Movçan diyor, ki:

„Kolhozların teşkilatca ve iktisadî bakımından kuvvetlenmesi uğrunda savaşta komsomol kadrosu büyümüş ve sertleşmiştir”.

Sözlerini şu rakamlarla kuvvetlendiriyor:

„771 kişiden ibaret olan traktoristten 489-u gençtir, onların yerli millete mensub olanı 432 kişidir; kombaynerlerin 45% nisbeti komsomoldur. Aul sovetlerinin reisleri, onların muavinleri ve azaları arasında 330 komsomol vardır. İktisadî kuruluşun muhtelif cephelerinde çalışan 400 komsomoldan 242-si adigedir”.

Bundan sonra „birincilik“ kazanmış ve teltife mazhar olmuş „mümtazlar“ ın adları geliyor: Natrbovska makine-traktor istasyonu brigadiri Kerefef Mahmud, „onun mufrezesi elden ele geçen kızıl bayrağı daima elinde tutmağa muvaffak olmuştur”. Vilayetin en iyi traktoristi: Guçesof Hangeriy, Kerefef Adamirkan, Ahmedof İsmail, Yunaliyef Mahmud imiş. Konservö imalathanesi amelesinden Temruk Hasan „amerikan tezkâhinin idaresini hem kendisi öğrenmiş, hem de 6 ameleyi öğretmiş, bu sayede 21.000 kutu yerine 27.000 kutu konservö imal ediyor“ muş. Bu amele içinde adige kadınları da vardır. Meselâ: Ponejikoy aulu makine-traktor istasyonu amelesinden Çendişiko „dahi“ Stalinin nutkundan mütteessir olarak (hangi nutkundan, belli değil) tütünde istihsalı 11den 20 ye çıkarmıştır. Aynı auldan olan Kade adını bir kadın da „o kadar iyi çalışıyor, ki 362 emek günü vardır”.

„Muvaffakiyetler“ bununla tamam oluyor. Makalesinin daha uzun olan ikinci kısmında A. Movçan „noksanları“ meydana çıkarmağa çalışıyor.

Evvela, anlaşılıyor, ki adige komsomol teşkilatında adigelilerin kendileri azlık teşkil ediyorlar.

A. Movçanın yazdığına göre: „İlk Kânun ayının başında adige genç komünistler teşkilatında 5131 aza vardı. Bunların içinde yarlı milletlere mensub gençler 1667, yâni 33% nisbet idi. 5131 azanın 1537 si kızdır, ki bunlardan da ancak 337-si yâni 7,3% nisbeti çerkes kızdır”.

„Siyasî terbiye ve talim işleri de fenadır: siyasî mekteblere komsomolların yalnız 67% nisbeti devam ediyor; komünist fırkasının tarihini tedris eden derneklere ancak 250 adam devam ediyor; ferdî tedrisle meşğul olan 22 kişidir. Bitaraf gençlik düşünülmemiştir. Bunlardan ancak 1291 kişi siyasî terbiye kurslarına çelbedile bilmiştir”.

Vilayette „komsomolların siyasî terbiyesile“ meşğul olacak propagandistlere büyük ihtiyaç hissolunuyormuş. 300 propagandaçı lazım iken meydana ancak 181 kişi varmış.

Muharrir çok ihtiyatsızcasına şimalî kfkasyalı gençlerin komsomol teşkilatına ne gibi motiflerle girdiklerini ifşa ediyor, diyor, ki: „komsomolçuyu

başka bir işe geçirmek istedinmi, hemen komsomol teşkilatından çıkmağa başlıyor”. Yâni gençler komünist ruhunda çalışmak için değil, iş ve memuriyet almak için komsomol teşkilatına giriyorlar.

Komsomol teşkilatına olan böyle bir alaka neticesinde komsomol vesikalerile büyük miyasta ihtikâr yapılmaktadır. Vilayette en kolay elde edilen şey komsomol biletidir.

Haçak adlı birisi aynı zamanda üç komsomol bileti olmağa muvaffak olmuştur: birini vilayet merkezinde, ikincisini Psekup, üçüncüsünü de Hakuratin nahiyelerinde. Komsomolların hakikî sayısını anlamak için yapılan sathî bir yoklama esnasında 1117 „ölü canlar“ meydana çıkarılmıştır. Aynı zamanda sayısız komsomol biletilerinde adların bozulub yeniden yazılmış olduğu anlaşılmıştır. A. Movçan diyor, ki: „Bütün bunlar neticesinde Azak-Karadeniz fırka merkezi İlk kânun ayındaki umumî ictimainda bize layik olduğumuz sert bir kıymet kesti”.

A. Movçan makalesini böyle bitiriyor:

„Nahiye konfranslarını geniş surette yapmak, komsomolu sınıf düşmanlarından temizlemek, emegin yüksek verimi için stahanof hareketini derinleştirmek, bolşevikcesine siyasî-terbiye işleri yürütmek, Vilayet fırka ve komsomol teşkilatlarının namus borcudur”.

Buna yalnız şunu artırmak lâzımdır, ki büyük ve ufak hacimli Movçanların 18 yıl zarfında yapamadıklarının bundan sonra dahi yapılması imkânsızdır.

Doğru.

RADİO BAŞINDA

(İ R A K T A N M E K T U B)

17 Son Kânun 1936, akşam saat 9-e yakın (yakın-şark saatile). Radio başında oturmuş, nerede çalıştığı belli olmayan bir musiki dinliyorum. Günün programını bilmediğim için, bu güzel sesin nereden geldiğini tayine çalışıyorum. Birden bende, „hiç olmazsa“ Viyana filarmonisi tarafından çalınan klasik bir musiki dinlemek arzusu uyanıyor. Her halde hayalen Viyana, Budapeşte havalarında dolaşıyordum...

Bilmem, ciddî bir musiki dinlemek hakkındaki iddiamda haklıymydım, değilmiydim. Her halde hayalen Avrupa üzerinde dolaşmakta ısrar ediyordum. Bana öyle geliyordu, ki bu anda bu medeniyet merkezlerinin her tabaka ahali, gündüzün yorgunluklarından sonra, haklı olarak dincelmeğe koyulmuştu. Tazece yıkanmış, yemiş, geyinmiş olan onlar aileleriyle birlikte, belkide, filarmoniye, operaya, tiyatroya, kinyo v. s-ye gidiyorlar. Fakat, benim „radio-hayalimi“ arada bir rusca söylenen sözler karıştırıyordu; musiki veren radio istasyon kuvvetinde olan başka bir hayatı, başka bir „dünyadaki“ yaşayışı hatırlatmaya çalışıyordu. Bir „dünya“ ki tırnak içine almadan, onun gaddar rejimine tahammül mecburiyetinde kalan milyonların mukadderatı hakkında acı duymadan tasvir etmek kabil değildir. Kulağıma öldürücü bir sızıntı veren şu sözler geliyordu: „Kolhoz iktisadiyatı“, „sovyet rejiminin düşmanları“ veilh... Birden rusca kısımda kısa bir sükût... Bir dakika sonra osetin di-

linde, bir az sonra da o dilin diger şivesinde sesler eşitmeğe başladım.

O vakte kadar dinlemekte olduğum musiki ile karışan bu sözler aşikâr eşidilmiyordu. Bir anda regulyatoru bir az çevirdim, musiki durdu. Onunla birlikte „oradan“, „Öteki dünyadan“ gelen sesler aşikâr eşidilmeğe başladı: mikrofon osetinlerden ibaret büyük bir toplantıyı, onların sözlerini aksettiriyordu. Bu sayısız sesler arasında bir tane olsun rus sözü eşidilmiyordu. Birden toplantının gürültüsü kesildi ve birisi rusca olarak söylemeğe başladı. Hemen osetin dilinde itiraz sesleri yükseldi: „İronau dzuræd! İronau dzuræd!“ (İronca konuşsun, ironca konuşsun — yâni osetince konuşsun). Bunlar hep talebedici bir sesle söyleniyordu. Nihayet âmirane bir ses rusca olarak dedi, ki: „Burak osetince söylesin!“ Anlaşılan söz söylemek istiyen hatib dahi bu „iltifaktâr“ müsaadeyi bekliyormuş, çünkü hemen osetince konuşmağa başladı. Bu amirane ses sahibinin, Moskvanın „gözü ve kulağı“ sıfatile ictimade oturan bir rus fırkaçıdan ibaret olduğunu anlamak zor değildi. Toplantıya iştirak edenler daima öskürüyorlardı ve bu öskürükler hatibin sesini ve sözlerini boğuyorlardı. Bu öskürükler o kadar çok idi, ki hatibin sözlerini temamilen not edemedim. Bununla beraber öğrendim, ki bütün dağlık Osetiya (Muhtar Şimalî Osetiya vilayetine dahil olan kısmı) kollektivize edilmiştir. Böyle, ki dağlık kısımdaki kolhozlar düzlerdekilere „erzakca daha varlıdırlar!“ Dağlarda koyuncululuğu artırmak için tedbirler alınmış ve bu maksadla ahaliye 15.000 koyun verilmiştir.

Sonra bunları not ede bildin:

...Dağ ve düz kolhozlarında sovyet rejimine düşman unsurlar... Düzdeki kolhozlar dağ kolhozlarından daha fena, daha fakırlar... İki gün ekmekten bahsedildi, yemden hiç konuşulmadı. Bu hususta dahi konuşmak lâzımdır... Kolhozlarda bize düşman adamlar var... Emekçi sınıfının düşmanları çalışıyorlar. Hiç kim iddia etmesin, ki düşman kalmamıştır — onlar mevcuddur!.. Yoldaş Kasyanofun kaydettiği gözboyama hadiseleri fazlasile mevcuddur (ihtimal, ki osetince konuşmağa müsaade eden amirane ses işte bu Kasyanofun sesi idi). Bu yıl bu hastalıktan hâlas olmalıyız, yoksa onu düşmanlar istifade ederler... Bizim çok zengin olan toprağımız her hektardan 50 — 60 sentner değil, tam 100 senter dahi vere bilir... Fakat, şimdilik bütün bunlar boş sözden ibarettir, gözboyacıktan başka bir şey değildir.. Biz ki yoldaş Staline, her hektardan 50 sentner mahsul almayı söz vermiştik!.. Bu sözü-nüzü yerine getirecek misiniz? (Mezaristan sükûtü). Neden susuyorsunuz? Verdiğiniz sözü ifa edecek misiniz? (Gene mezaristan sessizliği)..

Cevabı bir türlü eşidemedim. Tam on dakika sonra bir kadın sesi „ceryan olmadığından“ dolayı mikrofonun işlemediğini haber verdi. Çok ihtimal, ki bu „ceryansızlık“ halkın sessizliğinden, vaz’olunan sorguya cevap vermekten imtina etmesinden ibaret olmuştur.

Teneffüsten sonra birisi halis velikoruz dilinde, hatta, Kafkasyadaki rusların bile konuşmadıkları Moskva şivesinde konuşmağa başladı. Gerek bu rusun, gerekse ondan evvelki osetinin adını eşidemedim gerçi rus kendisinden evvel „yoldaş Alborofun konuştuğunu“ kaydetmişti. İhtimal, ki bu Alborof, sorgusuna toplantının lakayd kaldığı osetin idi.

Rus hatib cesaretle ve sür’atle konuşuyordu.

Bu sözlerden not ede bildiklerimi naklediyorum:

...Bizim Şimalî Osetiya, sosyalizm yarışında Ermenistanı mağlub etmişse de, gene beklenen derecede değildir... Her hektarmızda, 40.000 bitki yerine ancak 18—20.000 bitki vardır... Buna sebep de kolhozu idare edenlerin itinasızlığı olmuştur (yerden itiraze benzer karışık sesler).. Bu çok münbit topraklarımız her hektardan 40 — 50 değil, 100 sentner mahsul verecekti... 1935 ncı yılın açığını doldurmazsak çok ayıb olacaktır... 1936 de biz her kesi ve her şeyi geride burakmalıyız.. Hiç bir esrar açmak da lazım değil, yalnız namusla çalışmak lazımdır.. Biz rekor kıracak „Stalin mahsulü“ istiyoruz.. Emek hakkının mahsule göre verilmesine dikkat etmek lazımdır... İş hayvanlarının kaydına kalmak, onları bahara hazır bulundurmak gerektir. Mahsulü artırmakla meşğul vilayet müşaveresi (anlaşılan toplantının adıdır) barbarca muameleye nihayet vermeği talep eder... Agronom mahsul hakkında mes’uldur... Rekorca mahsul osetin kolhozcularının namus mes’elesidir... Şimalî Kafkasya (veyahud Şimalî Osetiya? aydın eşidilmedi) paytahtının.. ye (anlaşılmadı)*) nakli rekorca mahsul vermek suretile karşılanmalıdır..

Bu nutuktan sonra radioistasyon başka havadis vermeğe başladı.

* * *

Evet, tesadüfi olarak ben, „Mahsulü artırmakla meşğul vilayet müşaveresinin“ dinleyicisi oldum. Müşaverede iştirak edenler kolhoz mümessillerile komünist hükümetinin vekilleri idiler. Çok ihtimal vermek olur, ki birincilerin en çok „inanılacak“ unsurlardan ibaret olmasına dikkat edilmiştir.

Müşaverenin böyle bir heyetten ibaret olmasına rağmen, eşittiklerim „idare edenlerle“ „idare olunanlar“ arasında açık bir ihtilaf mevcut olduğunu aşikâr bir surette kabartıyordu. En çok karakteristik olan birinci hatibin hazirun tarafından şükûtle karşılandığı idi. Osetin hatiblerin osetince konuşması hakkındaki talepler de az karakteristik değildi.

Başka noktalar da dikkate değerdi. Meselâ, birinci osetin-hatibin sözlerinden anlıyoruz, ki: dağlar erzakca, münbit olan düzlerden daha zengin imiş! Evet, tekrar ediyorum, dağlar, Kafkasyayı yaşatan düzleri erzakça doyurmalıdır; dağlar, ki ekilecek yerli adam başına on metrolarla ölçüle bilir ve çok büyük ve çetin bir zahmetten sonra arpa ve arabir de bugday ekilmesine yarayacak hale geliyor!? Şimalî Kafkasyanın münbit dağ etekleriyle düzleri bundan sonra bütün ümidlerini granit dağların tepesine bağlamadılar. Oralarını komünistler „micize“ yaratacak hale getirmişler: taştan bugday çıkarmak kabiliyetini aşmışlar! Avrupadaki Herio ve şürekâsının yeni sovyetofil sevinçleri için bu kâfi değilmi? „Dağ kolhozlarının düzdekilerden erzakca daha zengin oldukları“ hakkındaki iddianın perdelemekte olduğu tragizmi onların anlama bilmesi imkânsızdır. Bu düzdeki kolhozların çokunda ekme bulunmadığını ifade eder.

Bizde, değil, ki dağlar „mahsulca zengin“ ol-

*) Öлке merkezinin Psihuabeden Terk-Kala’ya nakli hadisesinden bahsedilmektedir. Bu nushadaki „Terk-Kala — Şimalî Kafkasya ölkesinin, umumî merkezi“ makalesine bakıla.—İdare.

СТРАНА РАБОВ

Вот уже почти два десятка лет, на глазах всего цивилизованного мира, на беспредельном пространстве земли советская власть углубляет рабство, перед которым блекнут самые жуткие видения древних деспотий. Самые настойчивые поиски в истории рабовладельчества не дадут даже отдаленного представления о том безграничном цинизме, который составляет основу советской системы порабощения подневольных народов. Роковой обман, вкладываемый большевиками в лозунги „социалистического строительства“, раскрывается в двуликом образе советской власти, как у Януса с двумя лицами, обращенными в противоположные стороны: суровым лицом к порабощенным и угнетенным подневольным народам, а угодливым, затаившим звериный облик, к капиталистическому миру. И, как это ни жутко, как это ни мирится с доводами самой элементарной логики и, наконец, как это ни находится в резком противоречии с истинным положением дел „социалистического строительства“, — большевикам вторят, или по неведению, или из корысти, многие иностранцы. На самом же деле, в наши дни, трагизм положения, созданный советской властью, уже перешел все мыслимые грани бедствия и сделался достоянием культурного мира. Теперь уже никто не может сомневаться в том, что большевистская хозяйственная система представляет в колоссальном масштабе развернутый хаос — хаос, уродующий существование под'яремых народов, созданный в буквальном смысле на их крови, на разгроме и развалинах их веками накопленного благополучия, хаос, обрекающий их на нищету, превративший их в рабов, в народы подневольного рабского труда. Лживость всей советской системы „социалистического благополучия“ делает борьбу с хаосом безнадежной, и мизерные результаты „успехов“ и „веселой жизни“ жалки по сравнению с той неслыханной растратой народных сил и достояний, ценой которых они достигаются.

Заглянем во внутреннюю жизнь этой страны рабов.

За последний период времени в Москве происходил ряд „парадных“ сессий, с'ездов и декорированных „слетов“ — партийных, государственных, колхозных

muştur, düzler bile hayvançılıkta dağları geride bırakmıştır. Bunun de delili şudur, ki: komünizmin dağlarda mahvettiği koyunçuluğa yardım olmak üzere dağ kolhozlarına 1935 de düzlerden 15.000 koyun verilmiştir. Çok ihtimal, ki bu miktarda düzdeki koyunçuluğun son hayvanlarıdır, ki bu tedbirle temamine mahvedilmiş oluyorlar. Evet, dün bugday ve erzak deposu olan yerler dağlardan erzak bekliyorlar, sırf koyununculukla meşğul olan dağ mıntakaları, düzlerden koyun alıyorlar!!

Sovyetlerin „sosyalizm kuruluşu“ dedikleri hakikat, işte budur...

К.

и иных. Советская печать неизменно продолжает именовать эти сборища „историческими“, так как, мол, на них, с одной стороны, подводятся итоги пятилетки, а с другой стороны, намечаются пути дальнейшего „развития социалистического строительства“ в стране советов, ее внутренней, социальной и внешней политики. Советская партийная пресса всегда полна статьями и цифрами, которые рисуют „достижения“, сделанные за прошлое время. Здесь сейчас не место подробно разбирать реальность этих достижений, сравнивать результаты с принесенными жертвами и выяснять — в какой мере так наз. „социалистическое строительство“ имеет под собою твердую почву в будущем. Дле всех, кто внимательно следит за ходом этого строительства, кто старался объективно оценить последствия его для всего порабощенного населения, кто знает, даже только по советским источникам, „недочеты“, которых не могла скрыть и советская власть, — для всех тех коммунистическое славословие едва ли покажется сколь-нибудь убедительным. Конечно, рабский труд порабощенных народов не мог пройти даром и бесследно: возможно, кое-что построено, существуют и кое-какие призраки в смысле индустриализации. Но было бы нелепо, если бы в стране с таким громадным населением различных под'яремых народов, с такими неисчерпаемыми ресурсами, власть, пользующаяся безграничными полномочиями над трудом и плодами труда своих невольников, не добилась бы никаких результатов. Вопрос не в наличии известного количества новых предприятий, фабрик, заводов и рудников, а в соответствии плодов этого строительства принесенным жертвам, с одной стороны, и в последствиях строительства для материального благосостояния и города, и деревни, с другой стороны. В этом отношении, несмотря на казенный трафарет и обязательное славословие коммунистической партии, интересную картину выявил второй с'езд колхозников-ударников в Москве. Выступления на с'езде отразили новый удельный вес различных групп внутри деревни и новые взаимоотношения между государственной властью и деревней. Но было бы большой опрометчивостью полагать, что с'езд этот был представительством всего крестьянства, всех порабощенных народов, что он выражал чаяния крестьянских масс народов советского союза, что он отразил условия жизни, в которых изнывает основная масса населения; его даже нельзя, вопреки утверждениям власти, назвать с'ездом крестьянства; больше того, это даже не был с'езд колхозного крестьянства, а всего лишь „слет“ „знатных людей“ деревни. Из 85 миллионов колхозного крестьянства были выделены 1500 колхозников-ударников, заслуживших доверие ВКП(б) и власти на местах. Это был с'езд, вернее вызов, администрации колхозов, председателей, бригадиров, заведующих фермами, трактористов и ударников, обласканных почетом и премиями. Таким образом, этот с'езд отразил в первую очередь настроения и чаяния нового класса, находящегося еще в состоянии формирования. Здесь

необходимо указать на то, что процесс коллективизации сельского хозяйства сопровождается полным обнищанием и разорением крестьянства, и одной из главных причин этого бедствия является то, что советская власть мерами административными, налоговыми и финансовыми отбирает у крестьянства по очень низкой цене значительную часть продуктов труда и что планы индустриализации и первой, и второй пятилеток проводятся, главным образом, за счет недоплаты крестьянству за производимые им продукты.

Эта политика отнимает у крестьян стимул к целесообразному производству и, естественно, приводит к полному разрушению хозяйства. Но некоторый слой в деревне, различными нитями связанный с властью, ею выдвинутый на передовые административные и хозяйственные места, в последние годы стал, очевидно, экономически несколько крепнуть и осознавать свою материальную обеспеченность. Используя этот новонародившийся класс „знатных людей“, советская власть в последние годы получила возможность в каждой деревне, в каждом колхозе опираться, хотя на узкий, но не за страх, а за совесть преданный ей слой. „Знатных людей“ в деревне, правда, немного, но они наиболее активны, они имеют, кроме того, за собой весь „авторитет“ власти и содействие партийной организации. Восторженный рассказ некоторых делегатов съезда верно, очевидно, отражает настроение, именно, этого слоя крестьянства. Для того, чтобы создать впечатление грандиозного хозяйственного роста, советской власти достаточно было из 240000 колхозов выбрать лишь несколько образцовых и в дальнейшем в этих последних отобрать по одному-два „ударника“ на каждый колхоз. Но картина благополучия и благоденствия, получившая после этого отбора свое отражение на съезде, совсем не характерна даже для колхозной деревни. Каждый случай в отдельности, быть может, верен, но он не показателен для действительных условий, в которых живут крестьянские массы, как никогда не бывают показательны 1—2% для всей сотни изучаемых фактов. Иные ораторы на съезде прямо говорили: „Таких колхозов, как наш, у нас в районе найдется, ну, еще один“ (Западная Сибирь). „Наш колхоз самый передовой, а рядом с нами остальные колхозы с урожаями в два раза меньшими“ (Крым). О том же говорят представители Днепропетровской области, Карелии, Волги, Урала, Челябинской области, Киевской области и т. д.

Для современных колебаний в общей политике советской власти в высшей степени характерно, что в руководящих кругах диктатуры, как будто, зреет решение опереться в будущей крестьянской политике на слой колхозников-ударников. Быть может, именно доверие к этому слою и его определяющему влиянию в деревне побудило советскую власть решиться на прокламирование равных и тайных выборов в советы. Однако, учитывая весьма грозные последствия, гаящиеся в тревожном настроении закабаленных широких крестьянских масс, советская власть внесла в устав колхоза легализацию усадебного хозяйства и значительно увеличила количество скота и птицы, могущих быть использованными в личном хозяйстве колхозника — притом не только в целях потреби-

тельских, но также для продажи на рынок. Менее отчетливо, но также вынужденно пошла советская власть и навстречу интересам колхоза, как коллектива. Интересные моменты вырисовываются, если мы сравним первый съезд колхозников со вторым. На первом съезде господствовала директива закрепить права государства в ущерб правам колхозников. Увеличение доли хлеба, отдаваемой государству, и увеличение размера всяких колхозных фондов — на первом съезде; уменьшение доли, идущей в неделимый фонд, и увеличение доли, распределяемой самими колхозникам, — на втором съезде. Усиление власти правлений и бригадиров, предоставление им права на штрафы и исключения из колхоза — на первом съезде; усиление власти общих собраний, предоставление лишь квалифицированному большинству общих собраний права на исключение и отдергивание правлений и бригадиров за неумеренное штрафование — на втором съезде. Тогда в центре стояла задача борьбы с „антигосударственными“ настроениями колхозников, стремившихся уберечь свое личное хозяйство, теперь же — широкая уступка, именно, этим настроениям колхозников.

Но стремясь умиротворить брожение среди закабаленного крестьянства и делая ему уступки в соответствии с требованием тревожного момента и настолько, чтобы наилучшим образом использовать его труд и продукты его производства, советская власть не сделала ни шага в направлении примирения с крестьянством в главном пункте спора: в вопросе о цене за отбираемый государством у колхозников хлеб. Теперь, после отмены карточек и значительного повышения цен на хлеб, продаваемый государством, крестьянство особенно остро ощущает ничтожный размер платы, по которой у него отбирает хлеб государство. Теперь перед каждым крестьянином, единоличником и колхозником, вопрос о цене на хлеб, как никогда, стоит остро и оголенно ясно. И опять к моменту посева крестьянство должно приниматься за свой тяжелый труд с горьким сознанием, что плоды его вновь в львиной доле получит государство. И едва ли соглашение власти и партии с узким привилегированным слоем ударников выведет страну из состояния нищеты и разорения.

Конечно, от праздничных речей партийных вождей никто не ждет откровений, но и торжественные выступления советских сановников могут в известной мере указать на наличность тех или иных тревог дня, тех или иных настроений, которым в данный момент придается первенствующее значение. Только в этом смысле представляют известный интерес речи, произносимые на советских съездах. Мы не будем касаться здесь восхваления тех „грандиозных достижений“ в области экономики, техники и культуры, о которых неизменно говорят на съездах. Ибо совсем ненужно отрицать факта зарождения новых заводов и фабрик, увеличения количества тракторов и „быстрого перехода“ сельского хозяйства к коллективным формам, чтобы оценить всю относительность великих большевистских достижений. Если в стране после 17 лет социалистического хозяйства народ нуждается в самых элементарных предметах питания и одежды, если к великому празднику, в виде особой милости, выдаются увеличенные пайки

хлеба или отменяется карточная система, то это одно уже говорит о своеобразном характере коммунистического благополучия. Очевидно, и теперь, после того как большевистская система „укрепилась“, удовлетворение потребностей человека, как такового, является задачей третьей степенной. Вопрос о лишениях и страданиях людей не играет для системы никакой роли. Эксперименты индустриализации, коллективизации и т. п. имеют в виду прежде всего поддержание определенного строя, определенного метода господства. Все жертвы народов и личности, которых требуют грандиозные опыты, считаются по-прежнему такими „мелочами“, о которых даже и говорить не стоит. Коллектив, класс, партия, диктатура — это по-прежнему идол всепожирающий; ради него все допустимо, все простительно. Если население или часть его не то умирает с голоду, не то охвачено настоящим голодом, если советский обыватель считает исключительным счастьем, когда из „буржуазных“ стран ему шлют посылку с мукой и маслом, то все это „пустяки“, которые нисколько не подрывают „величия“ социалистического строительства, нисколько не мешают прославлять „достижения“ большевистского строя и противопоставлять им те „бедствия“, от которых страдают все капиталистические страны. Праздничные речи и пресса, конечно, уделяют много внимания „ужасам“, переживаемым буржуазными странами, и доказательству того, что гибнущая буржуазия, не имея никакого другого выхода, делает ставку на войну и усиленно к ней готовится. Повторяем, все эти „праздничные“ темы не новы и весьма характерны для советского быта. Они неизменно повторяются каждый год и являются своего рода обязательным церемониалом.

При самом внимательном изучении докладов на парадных съездах, трудно искать в них какую-нибудь подлинную картину современной советской действительности. Все данные и цифры преподнесены таким образом, что по ним составить себе представление о действительном положении вещей — невозможно. Даже такая реальная вещь, как бюджет, не поддается точному анализу в виду совершенно „таинственного“ фактора, какой представляет собой ценность советского рубля. Цель докладов и выступлений на съездах ясна — прославление „достижений“ и доказательство, что враги и противники пятилеток жестоко ошиблись, когда предсказывали их провал. Большую роль в выступлениях играет „мрачная картина“ разрухи экономической и финансовой жизни капиталистических стран. В одном из докладов комиссара финансов Гринько, почетное место занимает, например, изображение „банкротства“ современных финансов и валют Запаदा. Но руководитель советских финансов молчаливо обходит больной вопрос — какова действительная стоимость советского рубля, как он расценивается на Западе, какая разница между советскими ценами на вольном рынке и в коммерческих магазинах и твердыми ценами государства; почему „погибающая“ иностранная валюта так высоко ценится в С.С.С.Р. и т. д. При таком характере отчетов и докладов фактическая сторона „достижений“, рисуемых розо-

выми красками — материал по существу мало ценный. Другое дело, если к съездам подойти с критерием социологическим, если искать в них материал для определения направления грядущего пути русского большевизма. В этом отношении парады действительно могут быть названы историческими. Они уясняют всем — в чем центр тяжести социальной проблемы Советской России, в чем ключ к грандиозному перевороту, который произведен уничтожением индивидуального крестьянского хозяйства и введением коллективного.

Неоднократные речи Сталина, Молотова, Яковлева, Калинина и других ясно и определенно поставили задачу, с одной стороны, и методы разрешения ее, с другой стороны. В этих речах обрисованы исходные пути реформы, отношение к ней населения, препятствия, стоящие по пути ее, и способы их преодоления. По схеме вождя коммунизма, мелкое индивидуальное крестьянское хозяйство несовместимо с советским строем и коммунизмом и должно быть уничтожено; ибо иначе эта крестьянская стихия смела бы основы диктатуры пролетариата, индустриализацию и т. д. Так как опасность была слишком велика, то надо было произвести переворот, как можно скорее уничтожить кулаков (т. е. зажиточных и жизнеспособных крестьян), как класс, и создать совершенно новый тип сельского хозяйства, при котором партия могла бы выполнять свои задания. Вожди коммунизма признали, что, несмотря на все суровые меры по уничтожению кулаков и истреблению собственнической стихии, колхозники и теперь остаются крестьянами с крестьянской психологией, с прежними стимулами хозяйствования. В своей речи Сталин, по существу, свел на нет все разговоры о вредителях, о кулаках, которые будто бы втерлись случайно в колхозы и мешают успешности эксперимента. Сталин прямо заявил, что крестьяне-колхозники так же, как и прежде крестьяне единоличники, не желают отдавать государству зерна по ценам, совершенно несоответствующим действительной стоимости продукции. Раз существует торговля на рынке, хотя бы колхозная, раз существуют две цены — одна ничтожная, устанавливаемая государством, и другая, определяемая спросом и предложением, то и колхозники, по заявлению Сталина, естественно („Они, ведь, не дураки“ — сказал Сталин), будут стремиться держать у себя сельско-хозяйственные продукты и не давать их почти даром государству.

Крестьянские расчеты — основная причина саботажа заготовок, нежелания засеять поля, сопротивления власти и т. д. Совершенно уничтожить колхозную торговлю и, таким образом, вырвать самую основу хозяйственного расчета у крестьян, партия пока считает невозможным: надо сохранить все-таки (повидимому временно) какой-нибудь стимул, какой-нибудь соблазн для крестьян, привыкших продавать свои продукты. С другой стороны, — раз государство не может пока снабжать все городское население хлебом и другими предметами сельскохозяйственного оборота, то надо иметь какой-то рынок, на котором колхозники могли бы продавать по высоким ценам то, что им оставит государство. Итак, партия устанавливает положение, что и крестьяне-

колхозники хотят работать и использовать плоды своего труда в своих личных „собственнических” интересах. Если есть малейшая возможность сбывать хлеб по высоким ценам, они не хотят отдавать его почти даром государству. Уничтожая все права хозяина и хозяйствования, партия оставляет в виде милости проблематичный стимул возможности торговать на колхозных базарах после выполнения целого ряда условий и повинностей. Достаточен ли этот жалкий остаток „буржуазных” мотивов, чтобы колхозы могли развиваться?! Ответ на этот вопрос дается в речах Яковлева, Калинина и др. Оказывается, что просто колхозники (не вредители и не кулаки) в очень многих местах не желают работать. Яковлев приводит примеры, как колхозники работают всего несколько часов в день, а все остальное время под тем или иным предлогом „лодырничают”. Еще ярче обрисовал психологию колхозников всероссийский староста Калинин. Он передал, как колхозники, даже хорошо работающие, больше всего думают о том, чтобы зерно осталось для них, в их колхозе, и что крестьяне — „патриоты” своего хозяйства, менее всего ломают голову над тем, как строить социализм и как давать для этой цели средства государству — они думают о себе и о своей деревне. Трагическая, преисполненная самоотверженности и героизма история борьбы горцев Кавказа с мероприятиями узурпаторов — не только яркая иллюстрация на фоне общего положения во всем СССР, но и затаившаяся сила непримиримого народного гнева. Человек в рубищах, в образе социализированного колхозника, жаждет

свободной жизни и хочет, во что-бы то ни стало, пользоваться плодами своего тяжелого труда! Ставится ребром вопрос — как будет действовать власть? Можно ли преодолеть крестьянскую психологию? Можно ли заставить колхозников работать так, как это установлено планом социалистического строительства? На этот вопрос дан действительно „исторический” ответ: можно и должно! Как-же этого достигнуть? И тут ответ дан определенный и ясный. Если путем силы, путем принуждения, средствами террора и устрашения удалось сломить и частью уничтожить собственническую стихию городских классов, то почему не сделать этого по отношению к деревне. Нужно только повести самую беспощадную борьбу со всеми проявлениями крестьянской стихии, со всеми особенностями крестьянской психологии. Нужно в спешном порядке „перевоспитать” сотни миллионов крестьян многочисленных народов при помощи особых политических отрядов, учреждаемых во всех деревенских местностях. Эти политические отряды должны состоять из проверенных и испытанных коммунистов, особенно из комсомольцев; комсомол должен дать эти сотни тысяч полицейских, задача которых — заставлять крестьян сеять, пахать так, как им прикажут, и своевременно отдавать государству плоды своего рабочего труда. Будет ли выполнена эта грандиозная фантастическая задача до конца намеченного эксперимента? Возможно ли путем устрашения и жестокостей переломить не только волю, но и подсознательную психику столь разнообразного по своей природе крестьянского населения страны рабов?

Б. Вилатти

Коллективные гарантии безопасности

Коллективные гарантии безопасности, сосредотачивающие на себе все пацифистические устремления и являющиеся после мировой войны наиболее популярным лозунгом при организации международной жизни, и благодаря этому, не перестающие быть постоянно предметом обсуждений, переговоров, уговоров и дискуссий на разных международных съездах и конференциях, — заставляют и нас посвятить им настоящую статью.

Вопрос войны и мира, из которого вытекает мысль о коллективизме при организации безопасности, имеет, пожалуй, такую же историческую давность, как и сама жизнь. Он является тем извечным вопросом, который с давних времен волнует человеческую мысль и заставляет ее усиленно напрягаться и работать над изысканием путей, средств и методов, могущих, если не изъять войну окончательно из международного обихода, то по крайней мере свести до минимума ее значение, как способа разрешения между государствами спорных вопросов и противоречий.

Международное право зародилось в результате этих попыток и явилось логическим следствием тех усилий человеческого ума, которые при посредстве правовых норм, установленных и признанных наро-

дами, хотели создать условия, позволяющие народам мирно сотрудничать, не прибегая к военным столкновениям. Таким образом, международное право, называемое также правом народов, должно было по существу стать средством, исключающим, или вернее ограничивающим, возможность вооруженных конфликтов, путем построения международных отношений на правовых началах.

Но помимо этих правовых, скажем, чисто теоретических положений, имеющих нередко абстрактный характер, лишающий их весьма часто практического значения, не мало было на протяжении всей истории человечества произведено попыток более реального подхода к проблеме, которая так живо интересовала все эпохи и поколения. При этом усилия человечества шли по двум направлениям: с одной стороны, прилагались старания к тому, чтобы парализовать развитие тех типов оружия, которые могли иметь в грядущих войнах наибольшее значение, а с другой стороны, производились попытки организации обороны мира общими средствами всех или большинства государств.

С мероприятиями, имевшими характер частичного разоружения, мы встречаемся в средние века.

Так например, в XIII веке народы, стремясь

смягчить последствия войн, обязались не применять аркебузы. XV век осудил мушкеты. В XVI же веке и позже, под влиянием пацифистических идей, международная правовая мысль усердно работала над тем, чтобы изъять из употребления артиллерийское оружие вообще и этим воспрепятствовать его быстрому развитию в дальнейшем.

Мы не будем останавливаться над всеми пацифистическими проектами, появлявшимися в результате усилий как отдельных личностей (Emeryc Cruée и de Sully в XVII веке, Saint-Pierre в XVIII веке и др.), так и международных съездов, конференций, конгрессов (Священный союз; Конгрессы мира, называемые также Междупарламентарными униями, которые с 1889 г. собирались чуть-ли не ежегодно; социалистические конгрессы и т.д.) — размеры статьи не позволяют произвести их анализ. Мы скажем лишь, что все они, сколько их не было, на разные лады и в разнообразной форме старались разрешить сложную и трудную проблему войны и мира, все они содержали рецепты, каким образом произвести в мире так глубокие и коренные изменения, при которых идея вечного мира перестала бы быть абстрактной.

Увенчались ли все эти многовековые усилия хотя бы даже минимальным, но заметным успехом, позволяющим человечеству смотреть в будущее с некоторой долей оптимизма?

Конечно, нет! Жестокие войны последних столетий не оставили в этом отношении никаких иллюзий. Они убеждают нас в иррациональности пацифистических теорий и в их полной несостоятельности. И если вопреки этому за последние два десятка лет мы замечаем значительное усиление пацифистических течений, то это следует приписать мировой войне, которая, благодаря своим невиданным дотоле размерам и катастрофическим последствиям, облегчила пропаганду пацифизма. Огромная тяжесть войны, наряду с переломом в психике масс, который был вызван колоссальнейшими жертвами, понесенными в первые же годы военных действий, создали для пропаганды пацифизма наиболее благоприятную атмосферу.

Первые голоса, открыто призывавшие закончить войну, раздались в 1915 году. Голоса эти принадлежали северо-американским пацифистическим организациям. Ссылаясь на федеральную конституцию 1777 года, согласно которой северо-американские штаты обязывались помогать друг другу и взаимно гарантировать безопасность, они, применяя нормы этой конституции к европейской обстановке, требовали заключения „справедливого мира” и устройства международных отношений на таких же началах. Интереснее всего то, что американские пацифисты вопрос будущего мира неразрывно связывали с вопросом будущего разоружения и учитывали в своих проектах, в целях дальнейшего сохранения мира, создание коллективных гарантий безопасности.

Идя по линии требований своих пацифистов, северо-американский Институт международного права в январе 1916 года принял специальную декларацию прав и обязанностей народов”, в которой говорилось, что все государства обязаны взаимно

уважать и охранять свои права и самостоятельную жизнь в существующих границах. Эта декларация послужила основанием для нашедших тезисов Вильсона, изложенных в известных 14 пунктах, которые должны были бы стать неизменным условием окончания войны и заключения мира. Иными словами, эти 14 пунктов предвиделись в качестве исходной базы, которая начнет новое политическое переустройство мира с целью утверждения нового, более справедливого политического порядка. Следует отметить при этом, что мысль о коллективных гарантиях безопасности, в данном случае наиболее нас интересующая, получила свое полное и, можно признать, законченное оформление в 14-ом пункте, предусматривающем, в целях обеспечения территориальной целостности и политической независимости отдельных государств, создание организованного сообщества государств, позже названное Лигой наций.

Вильсоновские формулы были навязаны миру в видоизменной форме, значительно отличающейся от первоначала, и способствовали утверждению того положения, которое принято называть Версальской системой трактатов.

Версальская система мирных договоров была построена не на идеологических предпосылках, как хотел президент Вильсон, исходящий из принципов „мира без побед” и „право более ценно, чем мир”, но на реальном соотношении сил, исключавшем всякую мысль об идеализме и гуманизме. Поэтому, вместо ожидаемого успокоения и нивелиации резких антагонизмов, ставших причиной войны, достигнутый с таким трудом мир еще более обострил международные отношения, еще более расширил ту пропасть, которая препятствовала соглашению народов. Половинчатое и далеко не справедливое разрешение спорных вопросов, естественно, не могло способствовать умиротворению. И это тем более, что чрезвычайная хрупкость оснований мира обнаружилась еще в момент его заключения, когда Версальский трактат, вместе с целым комплексом мирных договоров и с органически связанным с ним пактом Лиги наций, ввел в международные отношения опасную для мира классификацию государств на победителей и побежденных, на полноправных и неполноправных, не разрешив при этом во всем объеме и давно назревший национальный вопрос.

Благодаря тому, что с наступлением мира фактически восстанавливались традиции печальной памяти Венского конгресса, также официально делившего государства на большие и малые, на главные и второстепенные, — Верс. система трактатов и пакт Лиги наций заложили новые очаги международных разногласий, создали еще опаснейшие причины антагонизмов и соревнований, насытили международные отношения новыми порциями недоверия, злобы и ненависти. Лига наций из учреждения, призванного служить интересам всеобщего мира и обязанного блюсти, чтобы международные отношения нормировались требованиями справедливости и правовых положений, долженствующими обязывать в одинаковой и равной степени все государства, превратилась в своеобразный Священный союз, который стал послушным оружием в руках небольшого числа больших государств, защищающих при ее помощи свои личные

интересы и интересы своих сателитов. Этим, главным образом, объясняется тот малый авторитет, коим пользуется Женевский ареопаг вообще, а при разрешении спорных вопросов в особенности.

Органическая слабость Лиги наций выявилась с достаточной яркостью уже в первые годы ее существования. Это обстоятельство заставило основоположников Лиги, заинтересованных в сохранении политического status quo, изыскивать добавочные средства для усиления своей безопасности. Поиски эти начались почти одновременно с заключением мира и созданием Лиги наций, направляясь и в этом случае к созданию коллективных обязательств государств.

При Лиге наций с 1920 года существовала постоянная комиссия, занимающаяся вопросами разоружения, но несмотря на это в 1921 году появилась еще одна, т. н. временная смешанная комиссия, предназначенная для той же цели. Спустя же год, в 1922 году, была созвана конференция в Каннах, принявшая резолюцию, в которой говорилось, что „государства должны принять обязательства не нападать на своих соседей“. Целый ряд дальнейших постановлений и резолюций Лиги наций утверждал эту же мысль.

В 1923 году был подписан договор в Рапалло, буква которого, несмотря на известную парадоксальность, до сих пор обязывает подписавшие его стороны. Договор этот еще более обеспокоил сторонников стабилизации теперешних государственных границ в Европе. В ответ на Рапалло на западе Европы были заключены т. н. Локарненские договоры, которые пробили серьезную брешь в системе коллективных гарантий безопасности.

Но несмотря на это, в 1927 году Лига наций принимает еще одно коллективное постановление, направленное против войны, а в 1928 году устанавливает образцы для договоров о ненападении и взаимной помощи — *Modèles de traités de non agression et d'assistance mutuelle*. В том же году подписывается пакт Келлога, в котором государства, подписавшие этот пакт, отказываются от войны и обязуются взаимные споры разрешать мирным путем. В 1929 году, как бы в дополнение пакта Келлога, подписывается „*Acte général d'arbitrage pour le règlement des conflits internationaux*“, нормирующий принципы арбитража при международных конфликтах.

Все эти примеры, в которых, как видим, проводилась одна и та же мысль, далеко не исчерпывают долгий перечень усилий, кои были посвящены вопросу сохранения мира путем коллективных гарантий. Для их относительной только полноты следует вспомнить еще и о морских конференциях, начиная от Вашингтонской и кончая Лондонскими, а также и о экономических — от Генуи и до Лондона — которые в равной мере разрешали вопросы мира и войны, но уже на платформе хозяйственных отношений.

Каковы же результаты этих бесспорно огромных усилий, потраченных для реализации идеи, в основе своей возвышенной и гуманной?

Уже в 1929 году, во время заключения пакта Келлога, б. президент Франции, Милльеран, дал весьма меткую характеристику подписываемым гарантийным договорам: „Мы идем к войне под знаменем мира“ — заявил он.

И действительно, резкий поворот к давним традициям дипломатической игры и непосредственных международных переговоров, последовавший вскоре после этих слов, подтвердил их правильность. Целая серия договоров о ненападении и замаскированных военных союзов, особенно обильных после 1932 года, не только свидетельствует о провале идеи всеобщего гарантийного пакта, но и является убедительной иллюстрацией полного поражения пацифистических идеалов вообще, а идеалов Лиги наций в частности. И это все потому, что идея пацифизма, сошедши с высот теоретических выводов на поле широких практических начинаний, превратилась в то, во что она в силу своей ирреальности должна была превратиться: в орудие дипломатической игры, в добавочное средство для утверждения эгоистических стремлений отдельных влиятельных держав.

Выступление Советского союза в роли наиболее усердного защитника и проводника принципа коллективных гарантий, окончательно дискредитировало этот принцип. Ни для кого не является тайной, что сегодняшнее „миролюбие“ СССР является лишь тактическим маневром. Не составляют тайны и истинные причины, заставляющие Москву афишировать этим „миролюбием“.

Блестящая победа национал-социалистической революции в Германии свела на нет авангард „мировой революции“ в Европе, каковым еще недавно был многочисленный немецкий пролетариат, послушный коммунистическим и социалистическим лидерам. Вместе с этим, и внутренняя действительность Советского союза — его экономическое положение и настроения населения, как равно и ферменты среди правящей партии, отнюдь не являются гарантией успешного ведения войны и грозят потрясениями. Этим, именно, объясняется „миролюбие“ страны, которая в продолжении 15-ти лет играла роль разжигателя и углубителя международных противоречий и конфликтов и сознательно стремилась вызвать мировой военный пожар с явной целью превратить его в пожар „мировой революции“. Сегодняшняя „пацифистическая“ тактика Советской России — это все лишь „передышка“, своеобразный „нэп“, примененный в области внешней политики.

Повторяем, эта тактика, имеющая мощных покровителей в Европе, менее всего способна вызвать веру в жизненность коллективных гарантий безопасности и идейную чистоту пацифистических лозунгов вообще.

Abone parasını göndermeği unutmayınız!
Не забудьте внести подписную плату!

Печатаемые ниже статьи—известного украинского ученого и политика проф. Р. Смаль-Стоцкого и г. Б. К. представляют нашим читателям истинное лицо т. н. языкового строительства, которое, сопровождаемое шумной рекламой, проводится советским правительством среди нерусских народов и которое является в руках Москвы отнюдь не культурным начинанием, а одним из наиболее мощных средств руссификации этих народов. наших читателей-се-

Роман Смаль - Стоцкий

Угнетение украинского языка в Советской Украине

Украинский Научный Институт в Варшаве издал недавно нашу работу: „Украинский язык в Советской Украине“.

На основании собранных в этой работе материалов, рассмотренных на общем фоне современной большевистской языковой политики, мы старались найти ответ на вопрос: является ли украинский язык в Советской Украине языком полноправным — подобно государственным языкам в Западной Европе или же по крайней мере подобно русскому языку в Р.С.Ф.С.Р.

Всестороннее исследование положения украинского языка в Советской Украине привело нас к следующим выводам:

1. Украинский язык в Советской Украине не является языком полноправным. Украинский язык лишен надлежащей поддержки со стороны государственной власти, более того — он лишен прав на самостоятельное развитие, какими пользуются все прочие языки, за исключением, конечно, языков народов, угнетенных Москвою: карельского, ингерманландского, зырянского, белорусского, татарского, туркестанского, грузинского, армянского, азербайджанского, языков кавкасских горцев и т. д.

2. Украинский язык является в Советской Украине языком, который угнетается русским пролетариатом (наравне с перечисленными выше языками угнетенных Москвою народов).

О направлении развития украинского языка решают не украинцы и интересы украинского трудового народа, а исключительно интересы русского пролетариата и его власти.

С 1930 года московская власть начала ликвидировать работу украинских языковедов и предоставила украинский язык издательствам разных партийных языковедов-дилетантов, вроде Кагановича, или совершенно малограмотных людей — Финкеля, Василевского и Хвыли-Мусульбаса.

Эти „коммунистические языковеды“ по поручению Москвы ликвидировали украинское самоуправление в области языка. Они сделали невозможным согласное с интересами украинского трудового народа решение языковых вопросов и насильственно ввели ограничения прав украинского языка в области терминологии, лексики, синтаксиса и правописания, навязывая украинскому языку элементы и правила русского языка под лозунгом „унификации“.

3. Пролетарская Москва провозгласила украинский язык „неотдельным“ и „несамобытным“, т. е.

рокавказцев мы просим обратить особое внимание на заключительную часть статьи проф. Смаль-Стоцкого, где представлен практический путь организации протеста украинской общественности против угнетения украинского языка. Этот путь может быть принят за основу и при организации протеста северокавкасской эмигрантской общественности, которая обязана выступить в защиту своих языков в общем фронте народов „Прометей“.

несамостоятельным языком. Таким образом, Москва снова вычеркнула украинский и белорусский язык из списка самостоятельных славянских языков и разжаловала их в какие-то „вассальные полуязыки“ русского языка.

Старые взгляды черносотенной русской профессуры на единство русского языка возродились в новой формуле русского пролетариата, согласно которой языки украинский и белорусский не являются языками самобытными и отдельными по отношению к русскому языку. Эти языки отдельны и самобытны по отношению ко всем другим языкам, кроме русского, вместе с которым образуют некоторое языковое целое. „Язык Ленина и Сталина“ занимает среди них господствующее положение совершенно так же, как до революции язык Николая II.

4. Пролетарская Москва осудила на смерть язык украинского трудового крестьянства и рабочих масс, предназначив его к „слиянию“ с русским языком.

Чтобы понять основное направление московской языковой политики, следует иметь в виду, что вся языковая политика московского пролетариата направлена к одной цели — всеобщему слиянию языков после победы коммунистической революции во всем мире.

Но в виду того, что приближения этой победы не видно, московский пролетариат выработал другую программу, и для современных условий. Это — программа слияния языков „в более узких размерах“, а именно — в границах Советского союза, или, как пишет Хвыля-Мусульбас, в Советской России. Слово „Россия“ начинает появляться в советских изданиях все чаще и чаще.

Пролетарская Москва, руководствуясь учением Марра, осуществляет эту программу в двух этапах:

Первый этап —

А) Слияние славянских языков в Советском союзе: уничтожение отдельности и самобытности украинского и белорусского языков следующим путем:

а) жаргоны обруселой части украинских и белорусских рабочих московская власть старается повысить до степени „официальных литературных языков Украины и Белоруссии“.

б) Подлинные украинский и белорусский литературные языки подвергаются „унификации“ с русским языком в области терминологии, лексики, синтаксиса, словообразования и правописания.

Эта „унификация“ должна постепенно сгладить все различия между украинским и белорусским ли-

тературными языками, с одной стороны, а жаргонами и русским языком — с другой.

в) В качестве основного лозунга, направляющего дальнейшее развитие украинского и белорусского языков, принято всестороннее сближение этих языков с русским. Чернотенную формулу „единства русского языка“ советская Москва считает „высшей языковой формой“ и необходимым этапом на пути к слиянию языков.

г) С целью более скорого и беспрепятственного „слияния“, Москва разорвала цельность украинской и белорусской языковых территорий.

Из пограничной полосы, имеющей около 50 километров ширины, выселены все украинцы и белорусы, а вместо них поселены русские.

Таким образом, Москва разделила украинский и белорусский народы на две части и стремится, путем ограничений ввоза и вывоза украинских и белорусских книг, к безусловному прекращению всякого духовного общения и обмена мыслей между украинцами и белоруссами, проживающими по обеих сторонах границы. Целью этих мероприятий является возможно скорая языковая „парцеляция“, возникновение двух украинских и двух белорусских литературных языков.

Б) Второй этап — слияние с русским языком всех других языков Советского союза. Эта обрусительная работа идет уже полным паром. Она охватывает, с одной стороны, старые высококультурные языки, как грузинский и тюрко-татарские, а с другой стороны — молодые литературные языки, которые стали развиваться в более поздние времена.

Метод „парцеляции“ литературных языков глубоко внедряет элементы русского языка и его терминологию в живые языки угнетенных Москвою народов, утраквизирует их и руссифицирует. Равным образом вся т. н. „национализация“, которою Москва гордится, как „удачным разрешением национального вопроса“, все „языковые концессии“, данные угнетенным народам, представляют собою лишь замаскированную утраквизацию — один из этапов полной руссификации, так как Москва заставляет эти народы принимать несвойственную их языкам русскую терминологию.

Во всей этой обрусительной работе, которая ведется под громкими лозунгами „национализации“ и „унификации“, руссифицированные царским правительством городские рабочие выполняют роль языковых ударников.

Весь аппарат коммунистической партии, государства, армии, школы, прессы, литературы и науки служит целям „унификации с русским языком“. Единственной задачей языковедения стало установление наиболее целесообразных и успешных методов техники слияния языков.

5. Таким образом, русский пролетариат продолжает языковую политику царского правительства по отношению к украинскому языку и всем другим угнетенным языкам бывшей царской России. В частности, в отношении к украинскому языку русский пролетариат добросовестно выполняет основное содержание указа 1876 г.

* * *

Приводимые в нашей книге научные итоги добросовестного изучения положения украинского языка в Советской Украине налагают на всех украинцев, независимо от их политических убеждений, а в первую очередь на политическую эмиграцию Украинской Народной Республики, обязанность выступить общим фронтом и возвысить свой голос против угнетения Москвою нашего языка.

Украинский народ не совсем беззащитен, хотя и находится в очень тяжелом положении. У нас есть в эмиграции законное Правительство Украины, есть целый ряд основанных эмиграцией научных центров, которые приобрели своими трудами уважение Западной Европы. У нас есть на этнографических украинских землях в Польше, Румынии и Чехо-Словакии организованная украинская общественность с собственными политическими представительствами, научными и культурно-политическими организациями и центрами. Наконец, у нас есть заокеанская эмиграция в Канаде и Соединенных Штатах, которая, наверное, также присоединит свой голос к общему протесту.

В нашем распоряжении есть один только способ привлечь Москву к ответственности перед всемирным общественно-политическим мнением за угнетение украинского языка. А именно: советская Москва является „членом“ Лиги Наций, а принадлежность к Лиге Наций не только дает права, но и налагает известные обязанности.

Угнетение украинского языка, угнетение всех других языков завоеванных Москвою народов: карелов, ингерманландцев, коми, белоруссов, татар, грузинов, туркестанцев, азербайджанцев, горцев Кавказа — это неслыханное варварство нашего столетия, это дикие методы, каких цивилизованные государства не применяют даже в своих колониях. И поскольку Лига Народов не захочет скомпromетировать своих задач по отношению к цивилизации и гуманности, она должна будет стать трибуналом и посадить в Женеве московских большевиков на скамью обвиняемых.

Возникает вопрос, как организовать защиту нашего языка перед женевским трибуналом.

Весьма ответственная роль в этой работе будет принадлежать правительству У.Н.Р. и всей политической эмиграции. Они олицетворяют совесть нашего народа. Думаю, что правительство У. Н. Р. должно:

1. Составить для Лиги Наций соответствующий мемориал против угнетения украинского языка и просить о назначении комиссии для расследования дела.
2. Призвать Верховный Совет эмиграции к организации во всех центрах эмиграции массового протеста против угнетения украинского языка. Вынесенные резолюции следует посылать в секретариат Лиги Наций. Следует также обратить особое внимание на то, чтобы специальные делегации обошли с информацией и протестами министерства иностранных дел, посольства, международные культурно-политические и научные центры, а также выдающихся славистов и языковедов в Лондоне, Риме, Париже, Берлине, Варшаве, Бухаресте, Праге, Вене, Будапеште, Софии, Гельсингфорсе и т. д. с просьбами поддержать перед Лигой Наций требования правительства У. Н. Р.

3. Согласовать борьбу против угнетения украинского языка с параллельной борьбой прочих угнетенных народов и их правительств, выступив с ними на форуме Лиги Наций общим фронтом. Руководственным центром в этой координации должен стать „Прометей” — Лига Угнетенных Народов и другие родственные организации.

4. Вся эта деятельность украинской политической эмиграции должна вызвать отклик со стороны всех украинцев, без различия политических взглядов, и развиваться прежде всего в двух направлениях:

А. на украинских этнографических территориях Польши, Румынии и Чехо-Словакии:

а) Галиция со своими научно-культурными центрами должна взять на себя руководство акцией всех украинских земель, находящихся за Рижской границей. Галиция должна образовать деловой центр, составленный из научных сил, так как вся дальнейшая борьба на международном форуме будет вестись, главным образом, в научной плоскости.

б) Этот центр должен посредством лекций, прокламаций, журнальных и газетных статей провести работу над осведомлением украинской общественности, отделенной от Советской Украины китайской стеной и не представляющей себе, что там творится с украинским языком. Эта работа должна быть соединена с организацией широкого всенародного протеста против угнетения украинского языка, при чем было бы весьма желательным, чтобы центральные правления культурных организаций, все „Просвита”, „Луги” и вообще все общества послали в Лигу Наций свои протесты с требованием, чтобы Лига Наций назначила специальную комиссию языковедов для исследования дела.

Б. К.

Методы руссификации языков в СССР

В своем обзоре правовых норм, регулирующих вопросы языка в СССР, известный советский юрист, проф. В. Н. Дурденевский, приходит к следующему заключению:

„Принцип равноправия языков, с вытекающим из него правом родного языка для всех граждан, и идея языка-связи — таковы основные начала, проводимые по языковому вопросу советским законодательством и являющиеся юридическим средством расчистки пути к слиянию наций Союза в культуре будущего.”*)

Таким образом, по авторитетному признанию советского ученого, „право родного языка” не является абсолютным правом населяющих СССР народов и советское законодательство охраняет это право лишь постольку, поскольку оно не препятствует правовым нормам быть „юридическим средством расчистки пути к слиянию наций Союза в культуре будущего” — т.е., иначе говоря, поскольку „право родного языка” не противоречит унификационным стремлениям правящей власти.

*) В. Н. Дурденевский — „Равноправие языков в советском строе”, Москва — 1927; изд. Инст. советского права.

в) Парламентарные представительства имеют возможность требовать от польского, румынского и чехо-словацкого правительств поддежки требований украинцев о рассмотрении всего дела в Женеве, они имеют также возможность обратиться на вопрос угнетения языков внимание европейского общественного мнения посредством запросов в парламентах, мемориалов в Лигу Наций и обращения к Англо-Украинскому Комитету в Лондоне.

г) Было бы желательно, чтобы научные общества послали свои протесты не только в Лигу Наций, но также в академию наук всех народов, кроме того издали бы специальное воззвание к славистам и языковедам всех стран с призывом возвысить свой голос в защиту угнетаемого украинского языка.

Б. Весьма важное задание приходится на долю нашей заокеанской эмиграции в Канаде и Соединенных Штатах. Наша общественность в Канаде может обратить внимание на варварские преследования украинского языка, а наша общественность в Соединенных Штатах массовыми протестами, обращенными к правительству Соединенных Штатов, завершить защиту прав украинского языка.

Так представляется сжатый план той работы, которую предстоит провести украинской политической эмиграции и всей украинской общественности.

Пусть до 1 сентября 1936 года, когда в Женеве будет открыта ассамблея Лиги Наций, ни одна украинская научная, культурная, общественная, женская, студенческая, спортивная и т. д. организация не уклонится от своей обязанности высказать протест в женеvский секретариат Лиги Наций.

Направление этих стремлений, их конечную цель, определяет понятие „языка-связи”, официально вошедшее в терминологию советского законодательства и обозначающее русский язык—язык, согласно Дурденевского, „самого большого национального ядра в республике.”

Руссификаторские стремления, нашедшие свое отражение в советском языковом законодательстве, были подтверждены „авторитетом вождя” на XVI съезде ВКП(б), где Сталин открыто заявил, что конечной целью т.н. национально-культурного строительства в СССР должно быть слияние всех национальных культур „в одну общую культуру, с одним общим языком”.

Но обрусительные мероприятия советской власти, реализующие „социализм в одной стране” и в области языка, исходят не только из „авторитета права” и „авторитета вождя” — они подкрепляются еще и „авторитетом науки.” „Научное” обоснование под эти мероприятия дано Н. Я. Марром, основателем т.н. нового учения о языке, которое репрезентирует в настоящий момент официальное советское языковедство.

Н. Я. Марр, а вслед за ним и вся советская лингвистика, доказывает, что современная национальная мозаика в СССР возникла из „общей яфетической подпочвы“ (в первоначальных трудах, т.н. яфетиды связывались им лишь с Кавказом, Передней Азией и бассейном Средиземного моря) и что дробление этого „общего яфетического начала“ произошло „в силу новых социально-экономических условий“, темп развития которых в различных частях СССР был различен, вызывая этим различие и расовых, и языковых признаков. Ныне же, по мнению Марра, социально-экономические условия в пределах СССР всюду одинаковы и этот момент должен способствовать на ново языковой консолидации. А потому — говорит он — „задача современного языкознания заключается в изучении техники языкового творчества для облегчения и ускорения совершающегося процесса языковой унификации.“

Вскрывая в целом ряде своих работ „генетическую связь между языками других национальностей и русской речью“, Марр указывает направление, в котором должен развиваться „процесс языковой унификации“. Конечным этапом и по Марру должен быть „язык самого большого национального ядра в республике“ — русский язык, „язык октябрьской революции.“*)

Интересно проследить — как эта установка советского права, идеологической мысли и науки реализуется на практике: как практически проводится руссификация в области языка и как народы СССР стараются защитить свое „право родного языка.“

Мы не будем здесь касаться чисто механических способов воздействия, которые употребляются советскими руссификаторами и которые имеют целью популяризовать среди нерусских народов знание русского языка. Скажем лишь, что главными проводниками механической руссификации являются административный и партийный аппарат, а также советская школа, которые, несмотря на все разговоры и постановления о т.н. коренизации, продолжают сохранять свой преобладающе русский характер и совершенно не считаются с тем, что большинству населения т.н. окраин русский язык не знаком. Этому способствует и буква советского права, которая, как мы отметили, признает русский язык в качестве „языка-связи“ для всего СССР. В результате, механический нажим в сфере языка, так характерный для эпохи царизма, не потерял своего значения и остроты и при советской власти, хотя внешне советская языковая политика создает впечатление полного либерализма.

Но языковая политика советской власти имеет еще и иную сторону, которая таит в себе для нерусских языков уже действительную опасность. Это — насильственные органические изменения, которые вносятся „научными методами“ в структуру нерусских языков в процессе т.н. языкового строи-

тельства — т.е. реформ языка, реализуемых под наблюдением и руководством русских „специалистов-языковедов“, адептов „нового учения о языке“. В этом случае советская власть идет к руссификации нерусского населения не путем прививки последнему, вместо родного, русского языка, но путем руссификации родных языков и подготовки их к той „языковой унификации“, политическое обоснование которой дал Сталин, а научное — Н. Я. Марр.

В настоящее время эта форма руссификации выражается, в основном, в дроблении отдельных языковых групп (например, тюркской, северо-кавказских и т. д.), в обогащении словарного материала отдельных языков запасом русских слов, в изгнании из этих языков „чуждых“, веками уже ассимилированных, терминов и замене их опять-таки терминами русскими (например, арабских и иранских из т.н. восточных языков, польских — из украинского и белорусского), в приспособлении грамматических правил к грамматическим правилам русского языка (грамматика кабардинского языка проф. Яковлева) и т. д.

Характерной для руссификаторских установок советского „языкового строительства“ является статья Г. П. Сердюченко, б. ученого секретаря Северо-Кавказского крайкома нового алфавита, а ныне редактора сборника „Языки Северного Кавказа и Дагестана“, помещенная в 1933 году в № 6-7 ж. „Революция и Горец“. Статья озаглавлена — „Решительно разгромить нацдемовскую контрреволюцию в языковом строительстве“.

„Целый ряд фактов, — пишет Сердюченко — наблюдавшихся в последнее время на Украине, в Белоруссии, в Средней Азии и у нас на Северном Кавказе, говорит об оживлении деятельности буржуазно-националистических элементов. Классовый враг нередко действует под видом советского человека. Под маской подобного рода „советских“ людей и скрываются очень часто проводники кулацко-буржуазно-националистических идей“...

И немного далее: „...Главное во вредительстве буржуазно-националистических элементов заключалось в стремлении опутать враждебной пролетариату идеологией молодое советское поколение. В этих целях ими проводилась целая система мероприятий по всей сети органов народного просвещения. Усиленно вредительствовали они на фронте языкового строительства“...

Статью свою Сердюченко посвящает „разоблачению вредительства и националистических извращений“, именно, на этом фронте языкового строительства.

Начинает он с украинских „национал-шовинистов в области языкового строительства“.

„Основная цель украинских национал-вредителей языкового фронта — говорит он — заключается в стремлении оторвать украинский литературный язык и научную терминологию от живого языка, которым пользуются многомиллионные массы трудящихся Украины. Анализ словарных материалов, изданных на Украине, вместе с тем показывает, что авторами этих словарей проводилась и сознательная политика отрыва украинской научной терминологии, с одной стороны, от терминологии интернациональ-

*) Более подробно о деятельности Н. Я. Марра и о сущности „нового учения о языке“ сказано в нашей статье: „Н. Марр, яфетическая теория и советская языковая политика“ — № 8 журнала „Северный Кавказ“ (декабрь 1934 г.).

ной, и с другой стороны—от терминологии русской, являющейся общей для украинского и русского языка”. (!—Подчеркнуто нами — Б. К.).

В недавно изданной работе „Украинский язык в Советской Украине” (Українська мова в Советській Україні), автором которой является известный украинский филолог и национальный деятель проф. Роман Смаль-Стоцкий, на основе обширного фактического материала доказывается, что „украинский язык”, культивируемый советской властью, является жаргоном руссифицированных украинских городов и противоречит природе языка, на котором говорит основная масса украинского народа—крестьянство.

Это положение, нехотя и забывая о высказанном им обвинении по адресу „украинских национал-вредителей языкового фронта”, которые, якобы, отрывают украинский литературный язык от „живого языка многомиллионных масс трудящихся Украины”, — подтверждает всецело и Сердюченко.

В дальнейшем изложении мы находим у него следующие строки:

„...Народ рассматривается ими (речь идет о укр. лингвистах — проф. Крымском, проф. Сулиме и др.) как какая то в классовом отношении монолитная масса. При этом под „народом” разумеется исключительно крестьянство, без всякого классового деления, и язык крестьянства рассматривается, как норма украинского литературного языка. Таким образом, под флагом „народного” языка проводится культивирование языка крестьянски-ограниченного, вне классового разреза; равнение идет не на язык передового пролетариата, а на язык „хуторянства” и фактически на язык хуторянских кулацких гнезд”.

Далее Сердюченко переходит к вопросам терминологии и составления словарей—этому наиболее активному участку руссификаторских устремлений советских языковедов. Здесь достается не только украинским но и иным „национал-шовинистам”. Так например, белорусских „нацдемов” он обвиняет:

1) в введении в белорусский язык всякого рода архаизмов, в большинстве своем заимствованных из „религиозных памятников средневековья и исторических документов той же эпохи”;

2) образовании неологизмов на принципах пуризма, сохранении „самобытной чистоты белорусского языка” и „изгнании из него элементов интернационализма”;

3) охране белорусского языка от „проникновения в него советизмов и противодействию влиянию на его развитие пролетариата”;

4) борьбе с русскими элементами в белорусском языке и максимальной его полонизации.

Оказывается, белорусские „нацдемы”—„создали и специальную теорию „зладзейских” слов, относя к ним преимущественно термины, введенные в употребление после октября”.

Переходя к „вредительской работе на фронте языкового строительства Северного Кавказа”, Сердюченко критикует „Инструкцию по составлению терминологических словарей на Северном Кавказе”, составленную до обострения руссификаторских тенденций советской власти. Ему не нравятся следующие три пути создания терминов, избранные составителями инструкции, а именно — а) путь обновле-

ния или изменения значения старых слов своего языка, б) путь словосложения и в) путь заимствования, но к которому — в этом пункте это, именно, не нравится Сердюченко — рекомендуется прибегать в исключительных случаях.

„Инструкция—говорит он — в целом и в своих частях построена на известной нам методологии контрреволюционного национал-демократизма”.

„Естественно после этого ожидать, — продолжает Сердюченко— что и словари, составленные на основе указаний подобной инструкции, должны явиться яркими проводниками буржуазно-националистических идей”.

И действительно, насколько нам известно, все терминологические словари северо-кавказских языков, изданные до 1934 года, изъяты из обращения, как проводящие „буржуазно-националистические тенденции”.

Но вот какую характеристику дает этим „неблагонадежным” словарям коренной северо-кавказец — Ахмет Тлюняев, один из редакторов журнала „Революция и Горец” (кстати, ныне закрытого): в своей статье „Создание национальной терминологии — важнейший участок культурной революции в нацобластях („Р. и Г.” № 8, 1931) он пишет, что „эти словари скорее русско-национальные, нежели общественно-политические, терминологические”.

Терминологическую же работу даже первого, „либерального”, периода он характеризует следующим образом:

„В национальных областях в качестве единственного источника создания новой национальной терминологии рекомендуется сторонниками перенесения в данный язык иноязычной терминологии великорусский язык, забывая совершенно о международной терминологии... На практике они переносят в национальный язык русские слова в неизменном виде в отношении даже падежных, родовых и пр. окончаний, а международные термины в форме русского произношения вне приспособления их к грамматическим и прочим особенностям данного национального языка. Примеров можно привести множество”.

В результате, Тлюняев советует придерживаться норм той „Инструкции по составлению терминологических словарей на Северном Кавказе”, которая была забракована Сердюченко.

Этот „терминологический” натиск на нерусские языки проводится на всем необъятном просторе СССР с одинаковой силой. Руссифицируется терминология буквально всех языков и наречий „от финских хладных скал до пламенной Колхиды”, при чем умело используется факт отсутствия у многих языков, бывших еще недавно „бесписменными”, собственных литературных традиций. „Новая советская терминология” проникает в нерусские языки не только при посредстве „терминологических словарей”, вырабатываемых различными Сердюченко, но и с переводной литературой, которая массами заполняет книжный рынок т. н. национальных автономий.

О роли этой переводной литературы говорят нам следующие слова некоего А. К. Боровкова,

также одного из „языковедов“-руссификаторов*):

„Огромное значение в революционном процессе формирования новых форм литературного языка занимает переводная литература, многочисленные переводы русской и иностранной литературы (последние, конечно, с русских переводов — Б. К.), книг и брошюр по различным отраслям науки и техники, переводы классиков марксизма. Это подлинная революция языка“.

Итак, русский марксизм, представляющий из

*) Сборн. „Язык и Мышление“, вып. II, ст. „Узбекский литературный язык“.

Афшаранлы

Боеспособность Азербайджанской национальной армии

В газете „Komunist“, в номере от 16 декабря 1935 года, „товарищ“ Иб. Эминбейли поместил по случаю 16-летия оккупации большевиками Азербайджана (по терминологии коммунистов, по случаю 15-летия „апрельской революции“) статью об Азербайджанской национальной армии, под заглавием „Как „Мусават“ организовал свою армию“.

В этой статье автор тщетно старается доказать, что идеология партии „Мусават“ была чужда азербайджанскому народу и что ни правительство и ни „мусаватские“ офицеры не заботились о своих аскерах и потому Азербайджанская армия в моральном и боевом отношении не представляла никакой ценности, не имела никаких достоинств—одним словом, была небоеспособна.

Свои доказательства автор основывает на ничтожных эпизодах, имевших место в начале организации армии, т.е. тогда, когда национальное правительство делало первые шаги по восстановлению в Азербайджане всеобщей воинской повинности, воскресая после 114 лет неволи национальную армию с ее блестящими традициями. Здесь необходимо добавить, что со времен завоевания Азербайджана царским правительством, азербайджанцы, как равно и все южно-кавказские мусульмане, не отбывали воинской повинности, а платили вместо этого специальный налог. Поэтому препятствия, стоящие перед национальным правительством и руководящей партией „Мусават“ в связи с организацией армии, еще более осложнились. Что же говорят документы, которые приводятся Иб. Эминбейли?

№ 1. В феврале 1919 г., т. е. в период формирования мусаватского правительства, губернатор Казахстана, Векилли, доносит министру внутренних дел, что селение Чайлы отказывается давать новобранцев, и отмечает при этом с сожалением отсутствие у жителей этого селения понимания своих священных обязанностей по отношению к родине. Наряду с этим, губернатор доносит о наличии в селении Чайлы агитаторов (конечно, большевистских) и просит прислать аскеров, чтобы арестовать и изолировать подозрительный элемент населения.

№ 2. На основании этого донесения, министр внутр. дел обращается к военному министру с прось-

себя лишь модифицировавшийся русский великодержавный шовинизм, сознательно проводит „революцию“ наших языков, конечная цель которой мыслится ее инициаторами в виде сталинского „слияния всех национальных культур в одну общую культуру, с одним общим языком“, каковыми должны быть русская культура и русский язык.

Все т. н. языковое строительство стремится лишь к этой цели и выполняет лишь это задание. Разоблачить это положение перед общественным мнением мира должно составить нашу задачу в настоящий момент.

бой назначить в распоряжение губернатора Казаха 100 аскеров.

№ 3. Губернатор Казаха телеграфирует министру внутр. дел об аресте агитаторов и о том, что некоторые из них при этом были ранены и что присланные аскеры продолжают находиться в селении Чайлы.

№ 4. Донесение губернатора Векилли о том, что в 3-ем участке неохотно дают новобранцев.

№ 5. Начальник уезда сообщает, что жители сел. Тенгарит просят об отсрочке призыва.

№ 6 и 7. Военным и гражданским властям доносят о появлении эпидемий в Шушинском и Кубинском гарнизонах, прося о принятии экстренных мер, т. к. в течении одного дня умерло 6 аскеров.

Перечислив эти, так сказать, эпизодики, автор патетически восклицает: „Совершенно ясно — какие могли быть моральные качества и боеспособность мусаватской армии при таких условиях!“.

В своем подхалимском усердии он забывает, что, если бы Азербайджану чужда была идеология партии „Мусават“, если бы ни правительство, ни офицеры не заботились об аскерах, если бы, наконец, национальная армия была небоеспособной, — то чем объяснить целый ряд исторических событий государственного значения, имевших место в недавнем прошлом в жизни нашего народа?!

„Мусават“, опираясь на народ, исходя из идеологии „мусават“, очень легко создал 35-тысячную европейски организованную армию, обладающую первостепенной боеспособностью и высокими моральными качествами.

Тот факт, что в своей клеветнической кампании против доброго имени Азербайджанской национальной армии ренегат Эминбейли мог использовать только малозначущие эпизодики, единичные инциденты, отнюдь не характерные для настроений всей страны, показывает лишь, что несознательный элемент в нашем народе представлен был в ничтожном количестве и что национальная идеология, репрезентируемая партией „Мусават“, была в Азербайджане идеологией огромного большинства.

Учитывая обстановку времен нашей независимости, мы утверждаем, что национальная армия

была гордостью азербайджанского народа. Об аскерах заботились не только офицеры, но и весь народ. Питался наш аскер во много раз лучше царского солдата и имел три комплекта обмундирования, из которых—два на руках, а один в цейхаузах. „Товарищ” Эминбейли наверно не забыл, что в 1920 году полураздетая 11-ая советская армия обмундировалась за счет запасов Азербайджанской армии.

Бюджет военного министерства мусаватским правительством и парламентом принимался без дискуссий. О боеспособности же и высоком национальном духе и моральных качествах Азербайджанской армии говорят ее деяния. Азербайджанская национальная армия многократно выявила свой высокий патриотизм и жертвенность, устанавливая и защищая границы возродившегося Азербайджана.

В августе 1919 года, когда уже были сформированы две пехотные и две кавалерийские дивизии, правительство постановило присоединить к республике неотъемлимые части Азербайджана, Мугань и Ленкорань, где русская пограничная стража, присоединившись к пришлому русскому населению, не подчинялась распоряжению правительства о сдаче пушек, пулеметов, винтовок и казенных лошадей.

18 августа 1919 года против мятежников выступил отряд в составе 5-го пех. Бакинского полка, 3-го кон. Шекинского и 2-ой арт. бригады.

Один из командиров полка, участник этого похода, описывает его следующим образом: „Ленкоранский поход продолжался месяц. Лето было знойное, что чрезвычайно затрудняло движение. Несмотря на это, переходы доходили до 35—40 верст и молодые аскеры поражали офицеров своей выносливостью и выдержкой”.

Поход этот кончился присоединением к Азербайджану Ленкоранского уезда и Мугани, разоружением русской пограничной стражи, а также умиротворением и успокоением населения, страдавшего от насилия и анархии.

В первых числах октября 1919 года части армии должны были выполнить еще одну, не менее ответственную, задачу. На этот раз предстояло умиротворить Карабах, который большевистские агенты, умело раздувая чувства национальной розни, грозили обратить в очаг анархии и произвола.

Поход этот, известный в истории Азербайджанской армии под названием Зангезурского похода, кончился окружением противника под Дыком. Наше наступление было приостановлено по приказанию военного министра. В Карабахе наступило временное успокоение, продолжавшееся до марта 1920 года. В день Новруз - Байрама армянские повстанцы, воспользовавшись тем, что офицеры и аскеры праздновали Новруз - Байрам, устроили нападение на Аскеранскую крепость и заняли Аскеранский проход — единственную дорогу, которая соединяла Карабах с остальным Азербайджаном.

Нужно было немедленно восстановить положение. С этой целью на второй день Новруз - Байрама в Карабах двинулся отряд под начальством генерала Селимова в составе 5-го пех. Бакинского, 8-го пех. Агдашского полка, батальона 4-го пех. Кубинского полка, 1-го кон. Татарского полка, 2-х эскадронов

охраны парламента, 2-ой арт. бригады и мортирного дивизиона.

Бой под Аскераном начался 3-го апреля 1920 года в 5^{1/2} час. утра. Крепость Аскеран, а также горы направо и налево от нее были заняты противником. Последним лично руководил Дро — известный военный организатор армянских чет. Неприятель, как выяснила наша разведка, располагал большим количеством пулеметов как в самой крепости, так и на окружающих крепость высотах. Перед нашими войсками стояла тяжелая задача — необходимо было брать крепость и укрепленные позиции неприятеля фронтальной атакой.

Перед наступлением, к действующим частям прибыл военный министр ген. Мехмандар. Офицеры и аскеры, воодушевляемые присутствием военного министра, шли в атаку, как на маневрах. Нужно дать справедливость и противнику, который выказывал необыкновенную стойкость и вел кровавый бой. Однако, к вечеру крепость была занята, а в последующие дни весь Карабах очищен от повстанцев.

Эти факты из боевой жизни молодой Азербайджанской армии приведены мною с целью показать высокую боеспособность, которая характеризовала мусаватского аскера. В таком же духе характеризовал своих аскеров ген. Мехмандар, который всю свою жизнь провел среди военных, хорошо знал душу и цену своих бойцов и был при этом очень строгим судьей.

Вот, например, один из его приказов, изданный после Ленкоранского похода:

Выдержка из приказа по Военному ведомству за № 420 от 19 сентября 1919 года:

§ 2 — Для занятия гор. Ленкорани и восстановления в его районе порядка и утверждения власти Азербайджанского правительства мною был снаряжен и отправлен в Ленкорань отряд из 3-х родов войска под командой н-ка главного штаба ген. Селимова.

Расстояние 430 верст от Аджаикабула до Ленкорани по маловодным степям, при сильной жаре наши молодые войска прошли в 15 дней без больных и отсталых. Во все время похода порядок не нарушался. Никому из местных жителей не нанесено ни малейшей обиды.

Население попутных городов и деревень с великой благодарностью отзывается о корректном отношении со стороны офицеров и аскеров. В этом я лично убедился при посещении мною Ленкорани после ухода отсюда отряда.

Произведя на всех сильное впечатление своим истинно воинским видом и образцовой дисциплиной, отряд возвратил в лоно родного Азербайджана Ленкоранский уезд и Мугань с богатой военной добычей, умиротворив и успокоив население, страдавшее от насилия и анархии....

Сердечное спасибо юным аскерам, показавшим себя молодцами и честными воинами в первом военном походе Азербайджанских войск...

Подписал: военный министр ген. от арт. Мехмандар.

Подлинник этого документа и многие иные до-

Черкесы в Югославии

На страницах нашего журнала неоднократно поднимался вопрос о нашей старой эмиграции и о том значении, которое имеет для нашего национального возрождения возвращение ее на родину отцов. О старой эмиграции, осевшей в Турции, Сирии, Египте и Трансиордании, много пишут и иностранные авторы,^{*)} но о черкесском рассеянии на Балканском полуострове известно значительно меньше, а между тем в свое время и там число черкесов достигало почти 200 тысяч человек.

Не так давно, а именно в августе 1931 года, один из европейских ученых, Густав Буллемэр, совершил научное путешествие в Югославию, на Коссово-Поле, и собранные материалы опубликовал в „Сообщениях Географического общества в Вене“.^{*)} Интересующийся черкесами вообще, автор проявляет большую осведомленность в области их новейшей истории. Он пишет, что в Западной Европе черкесы были известны благодаря красоте черкешенок, которые нередко играли значительную роль в качестве матерей выдающихся турецких государственных мужей, а также благодаря неслыханной храбрости и упорству в войне с той Россией, которая в те времена вызывала страх у всей Европы. А потом, когда окончилась эта война, черкесы сотнями тысяч были изгоняемы со своей родины. В одном 1864 г., пишет Буллемэр, в порты Малой Азии было переправлено около 500 тыс. черкесов, которые — несмотря на широкие денежные сборы в Истанбуле и в Англии (Circassian Committee), несмотря на жертвенную деятельность западно-европейских врачей — переносили тяжелые лишения и массами умирали.

Часть изгнанников в количестве 150—200 тыс. душ была направлена в юго-восточные области европейской Турции. Еще в конце минувшего столетия черкесские поселения находились у Родоса и Сереса, что у Мраморного моря, затем на равнине между Ломом и Тимоком, у Ниша и Пирота и далее вдоль старой сербской границы на Коссово-Поле. Другие поселения находились над Прокуплем в Топлипе. Суви-До и Тулар охраняли проход Бруса—Ка-

^{*)} Интересующихся отправляем к следующим авторам: F. Kanitz, B. F. Sarré, T. Gjorgjevič, F. Bomberg, C. Jireček и др.

^{*)} „Mitteilungen der Geographischen Gesellschaft in Wien“ — № 7—9.

кументы, ему подобные, находятся в архивах в гор. Баку. Но, конечно, публикация их не лежит в интересе большевистских „историков“. Послушные велениям свыше, они выискивают переписку о спорадических и совсем не показательных эпизодах и эпизодиках, чтобы называя все это „документами“, очернить в глазах народа национальный мусаватский Азербайджан, его учреждения и армию.

Но этого достичь захватчикам никогда не удастся. „Товарищам“ Эминбейли не удастся ввести в заблуждение азербайджанский народ.

поники. Черкесские поселения охраняли также и долины рек Лабы, Моравицы, Моравы, Вардара и Сенке.

На Коссово-Поле черкесы селились или совершенно обособленными поселениями или же рядом с сербскими селами. Г-н Тюммлер, один из сотрудников Буллемэра, составил на основании материалов последнего карту черкесских поселений на Коссово-Поле, на которой названия этих поселений подчеркнуты. Карта Тюммлера прилагается нами к настоящей статье в воспроизведенном виде.

Всех черкесских поселений на Коссово-Поле было около 23 — из них наиболее значительными были: „Slavkovac“ — 200 дворов; „Hamidje“, „Mazgid“, „Požaranje“ — по 100 дворов; „Cerkeska Sadovina“ — 60 дворов; „Donji Livoč“ — 50 дворов. Остальные селения были более мелкими.

На новых местах переселенцам не нравилось, и, по свидетельству Канитца, посетившего эти места в 1895 году, черкесские поселки находились в плачевном состоянии. Вскоре после поселения, черкесы даже подняли восстание, требуя отвода им более удобных для жительства мест. Однако, они силой принуждены были остаться на Коссово-Поле.

В 1876 году черкесы принимали участие в подавлении болгарского восстания, при чем, как пишет Буллемэр, именно это участие неблагоприятно отразилось на традиционных симпатиях Англии к черкесам.

В войне 1877-78 г.г. черкесы приняли деятельное участие, причиняя много беспокойства русским войскам. Вследствии происшедших после войны территориальных перемен ни в Болгарии, ни в сербских областях у Ниша—Прокупле черкесов не осталось. Но все же в 1900 г. австрийские военные географы нашли на Коссово-Поле еще до 6500 душ черкесов, которые по прежнему жили во временных жилищах, занимаясь преимущественно разведением и торговлей скота и работой по серебру.

После балканской войны 1912 г. опять произошло массовое переселение, в связи с которым белградский профессор Гиоргиевич утверждает, что на Коссово-Поле осталось (в Гилане) лишь несколько черкесских семейств. Однако, Густав Буллемэр лично убедился в наличии на Коссово-Поле значительного большего числа черкесов.

Так, в одном только селении „Черкес-көй“, что у устья рек Лабы и Ситницы и которое теперь официально называется „Donij-Stanovce“, из общего числа 62 дворов—50 черкесских, что составляет свыше 200 человек (в семье 4—5 душ) черкесского населения в этом посёлке. В соседнем селении „Velika Reka“ имеется 5 черкесских дворов.

Селение Черкес-көй отличается от остальных селений Коссова-Поля своим кладбищем с могильными плитами, покрытыми арабскими надписями, небольшой мечетью и одним двухэтажным домом, который возвышается над небольшими бедными домиками селения.

Буллемэр пишет, что, когда он и спутники его

приблизились к селению, их окружили „высокие, голубоглазые сыны гор”, выгодно отличавшиеся как своим внешним видом, так и умением держать себя от остального населения Коссова-Поля. Мужчины в фесках, одетые в поношенные одежды, являются носителями мужественной красоты. Теперь и они занимают земледелием, хотя еще недавно занимались преимущественно коневодством, „воспоминанием о котором была серая лошадь — любимец всего селения”.

Черкесы произвели на Буллемэра впечатление всесторонне интеллигентных людей. Все они владеют — кроме родного — еще и турецким, албанским и сербским языками. Имеются среди них и лица, говорящие по арабски.

Благодаря тому, что женщины в Черкес-кёе носят чадру(!), путешественники не могли убедиться в „прославленной красоте черкешенок” — однако, по утверждениям Буллемэра, дети были очень красивы. Путешественников трогало и вызывало особенные симпатии то, что черкешенки, в отличие от иных представительниц прекрасного пола на Балканском полуострове, не были любопытны и держали себя

очень скромно и с чувством собственного достоинства.

Опасаясь за судьбу этого небольшого черкесского оазиса в Европе, Буллемэр высказывает предположение, что в настоящих условиях черкесы в Югославии обречены на исчезновение. Этому особенно способствует пагубная „двойкиндерсистем”, которая господствует в Черкес-кёе благодаря бедности населения.

Северо-кавказская общественность должна обратить сугубое внимание на выводы г. Буллемэра и принять все меры, дабы не допустить ассимиляции своих братьев в Югославии. Наши братья на Коссовом-Поле, сохранившие — несмотря на особенно неблагоприятные условия — свой язык и традиции отцов, не могут погибнуть для нас в то время, когда час освобождения уже близок и надежды на возвращение в родные края приняты уже реальные очертания.

Необходимо изыскать меры помощи и в первую очередь это должно стать заботой нашей эмиграции в Сирии, Египте и Трансиордании, которая общественно организована и имеет свои учреждения культурного характера.

Современная литература Азербайджана

доклад М. Э. бей Расул-Задэ, прочитанный 17 января т. г. в Париже

Азербайджанские турки сыграли важную роль в развитии обще-тюркской культуры. Величайший поэт конца 15-го века, Фузули, лиризмом которого так восторгаются европейские знатоки, которому нем равного в искренности переживаний и поэтических форм на всем Востоке — как утверждает известный английский ориенталист и критик тюркской литературы, ныне покойный, мистер Кип, — является продуктом азербайджанской среды.

Поэма „Лейла и Меджнун” — нечто похожее на „Ромео и Джульета” Шекспира, является лучшим его произведением, доказывающим художественную подлинность величайшего таланта.

Азербайджанская литература до начала 19-го века всецело находилась под влиянием Фузули. Собрание его сочинений и ныне является настольной книгой каждого литературно-образованного азербайджанца. Недавно в Баку было отпраздновано 400-летие его творчества. Отдельные стихи поэта употребляются в народной речи, как популярные поговорки.

Подробный анализ творчества Фузули и вообще характеристика классической литературы Азербайджана, не входит в задачу настоящего очерка, рамки которого очерчены определенными границами. Отмечу только одно, что основной мотив творчества Фузули, как тюркского поэта, выражен в следующем его четверостишии:

„Olsebeden fârisi lafzile çoktur nezm kim,
Nezmi nazik türk lefzile iken düşvar olur;
Bende tevfik olsa bu düşvari âsan eylerim,
Nevbahar alcak dikenden bergi gül izhar olur!”

Или в русском переводе:

„Потому много стихов на персидском языке,
Что трудно писать утонченный стих по тюркски;
Бог даст, я преодолею это препятствие,
Ибо, с наступлением весны, шиповник распускает розы”.

Тюркскому стиху Божьей милостью одаренного поэта Фузули удалось стать наикрасивейшей и благоуханной розой эпохи. Его предшественники и отчасти современники, как Хабиби, Хасан Оглу, Шах-Исмаил Хатай и другие, создали ту весну, о которой говорил творец бессмертной „Лейла и Меджнун”.

Кстати сказать, Фузули и в предисловии к этому бессмертному произведению повторяет мотив выше цитируемого четверостишия:

„Берусь изложить эту чарующую легенду Востока на тюркском языке, ибо многие из моих читателей выражают желание видеть это красивейшее повествование божественной любви и на родном тюркском языке”.

Если принять во внимание, что до него, отчасти и после него, лучшие поэты Азербайджана писали на персидском языке, что такие великие классики персидской литературы, как Фелеки и Хагани Ширвани, а также Низами Гянджинский, были подлинными азербайджанцами, то тогда станет ясным, какую именно литературную революцию — в национальном смысле слова — произвел Фузули.

Смелое по своему времени и глубоко идейное по нынешним понятиям, национальное начинание Фузули достигло цели. Ему удалось из „шиповника” вывести „розу” и „трудное” сделать „легким”, недостижимое — доступным.

Гений Фузули, почти до конца 19-го века, властвует над литературным бытием Азербайджана, заставляя всех поэтов, в основном, подражать его искусству стихосложения. Только в первой половине 19-го века, под влиянием больших мировых событий и политических потрясений, в литературной жизни Азербайджана происходит великий перелом. Появляется на сцену новая современно-реалистическая форма литературы.

Цель настоящего очерка вкратце ознакомить слушателей с главнейшими этапами и виднейшими представителями этой современной литературы.

Следуя ходу развития социально-экономической жизни страны и идущей в полной гармонии с ней общественно-политической эволюции общества, в современной литературе Азербайджана следовало бы определить три главных периода развития:

Первый период начинается с появлением Мирза Фатали Ахунд-Задэ, в первой половине 19-го века, и кончается первой российской революцией, последовавшей после поражения царизма на полях Дальнего Востока.

Второй период охватывает революционную и довоенную эпоху вплоть до взрыва второй российской революции, последовавшей вследствие провала империи Романовых, не выдержавшей натиска мировой войны, а также краткое время независимого существования Азербайджанской республики.

Третий период — это эпоха красного империализма, ныне переживаемая нами, когда, не взирая на неблагоприятные условия, национальная литература проявляет поразительные признаки живучести и творчества не только в эмиграции и не только в подполье, но и в легальной советской действительности.

Оговариваюсь: тема обширная, требующая наличия под рукой всех источников и материалов. Вдали от родной земли у нас, к сожалению, этой возможности нет. Приходится ограничиться одной памятью и тем сравнительно скудным материалом, которым мы располагаем.

II

Еще перед русским завоеванием, при ханских дворах Азербайджана имелись литературные кружки. Находясь под сильным влиянием персидской классической литературы, эти кружки, однако, занимались литературным творчеством на тюркском языке. Особенно развивалась шиитско-религиозная форма стихосложения, так называемое „мерсие“, которая являлась прямым наследием религиозно-сектантского творчества эпохи Сафавидов, когда стих на народном наречии тюркских племен считался наилучшим орудием пропаганды религиозно-философской школы, основателем которой был Шах-Исмаил, — сам поэт, носящий прозвище Хатаи.

Но наряду с знаменитыми поэтами, творцами мерсие, оплакивающими в своих произведениях трагическое убийство шитских святых мучеников, можно было бы сказать, певцами мусульманского протестантизма, мы встречаем при ханских дворах также и представителей подлинно художественной светской поэзии, свободных от специальных тенденций, преданных музе красоты, любви и глубокого эстетического переживания, а также свободной в религиозном отношении творческой мысли. К таковым мы могли бы отнести знаменитого Молла Панаха Вақыфа, несчастного визира Карабахского хана, защищавшегося от нападения грозного Ага Магомет Хана, шаха персидского. Поныне существующая народная поговорка дает должную оценку учености и мудрости этого мученика, говоря: „Не всякий грамотный станет Молла Панахом“. Сила же его творчества и подлинность таланта особо подчеркиваются современной критикой. Еще тогда он писал тем чисто народным языком и в той форме народного стихосложения, на котором только теперь начинают писать современники-модернисты, желая эмансипировать национальный стих от литературной капитуляции перед „арабизмом“ и „фарсизмом“.

Но, несмотря на все, этот феодальный Азербайджан еще был далек от действительно национальной литературы как по форме, так и по существу в том смысле, в каком мы ее понимаем сейчас. Эта литература все еще находилась под сильным влиянием классической Персии как по форме, так и по содержанию. Народные массы хотя и духовно удовлетворялись священными стихами на родном языке, однако, интеллигенция — поэты и писатели — продолжала находится под властью персидской литературы и арабо-персидской образованности: литературным языком считался персидский, а научным — арабский. Даже деловая переписка, как ныне в персидском Азербайджане, велась на персидском языке, который, как и знание персидской литературы, считался признаком культуры и хорошего тона.

Правда, персидское влияние у нас не было в такой степени сильным и абсолютным, как, например, в Финляндии была шведская культура. Как известно, финская интеллигенция была совершенно „онемечена“, она говорила и писала только по шведски. Даже финские патриотические вещи писались на шведском языке.

Русская власть, в целях борьбы со шведским влиянием, дипломатически поощряла возрождение финского языка и этим путем, сама того не желая, ускорила процесс национального пробуждения финнов.

Правда, мы, азербайджанцы, для восстановления своего языка и литературы не нуждались в трудах специальных патриотов-искателей, кропотливой работой открывших различные руны давно забытой „Калевалы“. Ибо, как мы уже отметили, наравне с литературными трудами наших „просветителей“ персов, паралельно им, существовали „диваны“ наших национальных поэтов великой школы Фузули, Вақыфа и др.

Тем не менее, в зарождении рационально-реалистической школы нашей литературы русская власть, объективно, сыграла до некоторой степени роль, подобную своей роли

в Финляндии. В целях борьбы с персидским влиянием, во владениях, только что отобранных от Персии, русские наместники на Кавказе, видимо, решили поддержать стремление азербайджанской интеллигенции в деле развития народной культуры и азербайджанской словесности.

„Нет худа без добра“ — говорят русские. „Враг служит в пользу, если того захочет Бог“ — говорят персияне. И действительно, Мирза Фатали Ахунд-Заде воспользовался „либерализмом“ кавказского наместника кн. Воронцова. Его пьесы впервые были напечатаны в 1850 году в типографии наместника в Тифлисе и впервые же разыграны в тифлисском дворце.

В лице Фатали Ахунд-Заде мы имеем родоначальника нашей рационалистической литературы. Он является для нашей современной литературы тем, чем является для классической Фузули.

Гигантская величина этого новатора, первого драматурга на всем мусульманском Востоке, начинает выясняться только теперь, в эти дни больших реформ и потрясений. Европейская критика называет его Мольером Востока, а русская — Гоголем Азербайджана.

Пьесы Мирза Фатали написаны на простом народном языке. Типы взяты из самой жизни. Здесь живо описаны разложение средневекового феодального общества, косность нравов, губительность предрассудков, схоластическое суждение квази-ученых, ханжество и мракобесие. Вся критика Мирзы пропитана просветительной идеей 18 века.

Пьесы Мирза Фатали по сей день не сходят с репертуара азербайджанской сцены. Мало того, они переведены на многие иностранные языки, в том числе и на три главных языка современного культурного мира. Многие типы Мирза Фатали, как у Гоголя, стали нарицательными в разговорной речи. „Hadji Kara“ для нашей сцены является тем, чем есть „Ревизор“ для русской.

Интересно отметить моральную личность новатора. Он был самым образованным человеком своей среды в то время. Великолепно говорил и писал на всех трех языках Востока. Знал русский язык и, если не ошибаюсь, читал по-французски. Вполне обладал восточной ученостью. Знал европейский мир идей и культурные стремления. Он получил основательное воспитание у лучших современников своей эпохи. Известный философ Мирза Шафи, живший в начале 19-го века в Гяндже, идеализированный известный немецким поэтом Боденштедтом, был одним из его воспитателей. Мирза Шафи прославился своими либеральными и высокоморальными взглядами. „Когда персидский поэт Саади возводит в моральную догму „целесообразную ложь“, Гянджинский Мирза Шафи отрицает ложь именно как „моральную догму“ при всех обстоятельствах и без всякой оговорки“ — говорит немецкий историк Ислама Мюллер.

Ученик Мирза Шафи — Мирза Фатали Ахунд-Заде не только в своих пьесах на тюркско-азербайджанском языке, но и в многочисленных публицистических статьях как на тюркском, так и на персидском языках выступает в беспощадной критикой лжи и лицемерия, в особенности в религиозно-моральной жизни. Статьи-письма, печатаемые под псевдонимом Кемалюл-Мюлк, адресованные некому Кемалюл-Довле (также псевдоним) и считаемые одним из самых захватывающих видов революционизирующей нелегальной литературы в дореформенной Персии, по одной версии, приписывались ему.

Мирза Фатали одновременно являлся и поэтом, однаково легко и талантливо писавшим как на персидском, так и на тюркском языках. Известна его сатира на турецкий и персидский дворы, отвергнувшие его идею реформы арабского алфавита, которую он написал на персидском языке и в размере „Шах-Намэ“.

Надо заметить, что имя Мирзы Фатали связано не только с литературой и с театром. Он упоминается на мусульманском Востоке и как великий реформатор. Идея изменения арабского алфавита принадлежит ему первому. Как известно, только недавно эта идея осуществлена как в Азербайджане, так и в Турции, а также и в других тюркских странах.

Мирза Фатали достиг успеха не только своими произведениями, но и талантливыми продолжателями своего дела. Вскоре после его смерти появились последователи его литературной школы.

Целый ряд выдающихся драматургов обогатил азербайджанский репертуар оригинальными драмами, комедиями и водевилями. Переводились на родной язык также и иностранные пьесы.

Вторым после Мирза Фатали драматургом Азербайджана считается известный Наджаф бей Безирли. Мирза писал только комедии. Наджаф бей на том же чисто народном наречии попробовал писать и драму. Проба ему удалась. В драме, впоследствии переведенной и на казанское наречие, «Трагедия Фахретдина» (Musibeti Fahrettin), он описывает трагедию познавшего европейскую цивилизацию азербайджанского интеллигента, очутившегося среди средневековых условий и патриархальных нравов родной среды, с которой он впадает в трагическое противоречие. Фахретдин у Наджаф бея переживает ту же самую трагедию, каковую переживал Чацкий, герой «Горе от ума» Грибоедова. Наджаф бей нам представил не только грибоедовских, но и гоголевских типов Азербайджана. В комедии под названием «Герои нашего времени» он зло высмеивает тех героев-лжеинтеллигентов, которые, пользуясь темнотой родной страны, низко использовали ее в своих корыстных целях.

Но наиболее спелые плоды азербайджанской драмы даются нам творчеством Абдурахим бея Ахвердили. Драма «Разоренная семья» (Dağilan tifaq), написанная на безукоризненно литературном и одновременно чисто-народном азербайджанском языке, является очень сильным, оригинальным и высоко моралистическим произведением. Кроме многочисленных бытовых пьес, у Абдурахим бея имеются также и исторические драмы, среди которых отличается известная драма «Ага Магомед Шах Каджар», где описывается героическая борьба Кавказа (азербайджанцев и грузин) против персидского завоевателя. У него имеются также и высокохудожественные фантастические пьесы из области народных преданий, вроде «Пери Джаду».

Из современников Абдурахим бея, Нариман Нариманов также писал бытовые и исторические драмы. В пьесе «Горе от языка» он, демонстрируя печальный конец лжеца, выступает перед нами как «моралист», а в исторической драме «Надир Шах» идеализирует принцип «просвещенного абсолютизма».

Представитель той же эпохи, Султан Меджид Гани-Задэ, прославляется своими высоко художественными комическими водевилями.

До 1905 года выдающимися представителями азербайджанской драматургии, составляющей наибольшую часть современной литературы, были означенные лица. Кроме них, само собою разумеется, были и многие другие второстепенные писатели, над которыми мы тут не останавливаемся.

Следует отметить, что эпоха выдвинула не только драматургов писателей, но выявила также артистов-любителей, которые с большим мастерством ставили эти пьесы на сцене.

Кроме драматических произведений и развития театра, в описываемом нами этапе писались также и рассказы, некоторые научные труды, а также были слабые попытки журналистики, ибо цензурные условия были невыгодны для Азербайджана.

Общая характеристика всех литературно-научных произведений данного времени определялась одним идейным содержанием — «проснуться от вековой спячки, приблизиться к современной науке и общечеловеческой культуре и идти вперед». Единственное стремление и театра, и стиха, и рассказа, и журналистики заключалось в том, чтобы внушить народу необходимость принорочиться к прогрессивному шестивью общечеловеческой мысли.

Как всякая начинающая литература, и азербайджанская литература нового периода, не в достаточной степени ясная в смысле указания путей достижения цели, была довольно ярка и сильна в смысле критики существующего положения вещей. Никто с такой силой и яркостью не бичевал отжившие свой век учреждения средневековья, как это делали литераторы первого периода нашей современной литературы. Эта критика, к концу описываемого этапа, в лице сатирического журнала «Молла Насретдин» и его талантливого редактора Джалиля Мамет-Кулу-Задэ достигает своего апогея.

Нашумевшая пьеса Мамет-Кулу-Задэ, «Мертвецы» (Ölüler) — правда, вошедшая в цикл трудов уже второго периода — является шедевром нашей бичующей литературы, где автор со свойственной ему резкостью выставляет всю фальшь средневекового невежества, ханжества и косности, зло высмеивает шарлатанство отсталого духовенства и разных лжецов шейхов, эксплуатирующих народную темноту в интересах своих низменных страстей.

В этот период положено и начало азербайджанской журналистики. Еще в 1875 году одним из последователей

Мирза Фатали Ахунд-Задэ, известным Гасан-беем Мелик-Задэ Зардаби, учреждается первая среди российских мусульман, тюркская газета «Экинчи» («Пахарь»). Хотя эта первая азербайджанская газета не могла долго существовать, однако, в истории национального пробуждения она оставила неизгладимые следы. Газета «Экинчи» была закрыта правительством. В ней сотрудничал уже упомянутый нами Наджаф бей, а также известный поэт разбираемой эпохи Сеид Азим Ширвани. Ширвани, хотя по форме и писал лирические газели, подражая Фузули, но по содержанию некоторых стихов довольно ярко выражал новые просветительские идеи. Его завещание сыну, где он советует ему изучать науки, ремесла, учиться труду и приобрести к современности, как нельзя лучше отражает идеи редактора «Экинчи», который советовал своим сородичам «не отставать от соседей и от культурных народов мира, если они не хотят быть побежденными в борьбе за существование».

III

Революционный период 1905 года, имеющий огромное значение для всех национальностей бывшей российской империи, служил очень важной исторической датой и в жизни тюрко-мусульманских народов России. Им же создались новые условия для Азербайджана, которые влияли на дальнейшее развитие азербайджанской общественности, что и послужило началом разцвета второго периода нашей современной литературы.

Пользуясь относительной свободой, гарантированной революцией, национально-общественные силы Азербайджана начинают быстро развертываться. Отмечаются большие сдвиги в области беллетристики, поэзии, театра, музыки, повременной печати и народного образования. При чем это развитие, в смысле содержания, резко отличается от дореволюционной литературы, если можно так выразиться, своей политичностью.

Основные в 1905 году ежедневные газеты «Гаят» и «Иршад» являлись знаменосцами новой эпохи национального пробуждения. Кроме них появились также и другие органы печати в виде специальных журналов. Газеты этого времени занимались не только вопросами повседневной политики. Одновременно, они являлись также живыми отражениями идейно-литературной деятельности тогдашних творческих сил общества. Целая плеяда поэтов, литераторов и публицистов заполняла страницы газет и журналов своими произведениями. Среди других талантливых поэтов и писателей блеснула звезда народного поэта-сатирика Сабира, выступающего под псевдонимом Хоп-Хоп (Дятел) и сотрудничающего в отмеченном выше популярном журнале «Молла-Насретдин». Сборник его стихотворений под названием «Хоп-Хоп Намэ» скоро стал настольной книгой каждого грамотного азербайджанца не только в городах, но и во всех деревнях. После Фузули, Сабир является вторым всенародным поэтом Азербайджана.

Сабир в своих сатирических стихах, простых по форме, игривых по стилю и глубоко мысленных по содержанию, беспощадно высмеивал все недостатки современного ему общества. Никакой пережиток отходящих в прошлое феодальных отношений, не желающих уступить место наступательным силам молодого прогрессивного Азербайджана, не ускользал от убийственных ударов его насмешек, сквозь которые проскальзывали горькие слезы любящего свой народ поэта-патриота.

Наравне с сатириком Сабиром, входит в литературный свод Азербайджана звезда талантливого творца «Фирдеси илхамат» (Рай вдохновения) — так назвал сборник своих сочинений неугомонный певец свободы, Мехмед Хади Ширвани. Его беззаветная преданность абсолютной свободе, фанатическая вера в самодовлеющее значение свободы во всех областях моральной, социальной и политической жизни человечества служила для него импульсом вдохновения. Он протестовал против религиозных условностей, стесняющих порыв творческой мысли человека, требуя абсолютной свободы разума от оков всякой схоластики. Всей силой своего таланта он восставал против порабощения женщины на Востоке. Мусульманка с открытым лицом, без чаршафа, служила для него символом освобождения всего Востока. «Без свободы и равноправия наших матерей и сестер, мы — народ парализованный» — говорил он. Стих Мехмед Хадия, отличавшийся торже-

ственностью слога и изысканно литературным языком, дышал страстным огнем романтической природы поэта. Его корреспонденции в стихах, присланные с Карпатского театра военных действий, куда он попал случайно, являлись лучшими произведениями его пера. В этих корреспонденциях, давая ужасающие картины войны, он проводил в философские рассуждения. В мировой войне он, как бы, видел страшный суд, по окончании которого должна была восторжествовать свобода, такая, которая в корне устранит возможность всякой войны, этого бича человеческого рода. Не грубая сила и не ненависть должны регулировать людские взаимоотношения, а обоснованные на свободе право и любовь!

Гонимый нуждой и преследуемый за свои дерзновенные мысли, поэт еще в цвете своих лет, но не здоровья, уносит с собой в неведомый мир вечности восторженные мечты о полном торжестве свободы.

Вместе с Мехмедом Хади, на страницах газет и литературных журналов выступают и другие поэты, сгруппировавшиеся вокруг журнала „Феюзат“ — солидного общественно-литературного органа, издаваемого в Баку, где, между прочим, мастерским пером редактора журнала, известного Али бея Гусейн-Заде, печаталась „Фауст“ Гете в переводе с немецкого оригинала.

Как видно из краткой характеристики литературных творений эпохи, второй период современной азербайджанской литературы несет в себе глубокий отпечаток гражданско-освободительных движений времени, выразившихся в конституционно-либеральных революциях в России и в соседних братских странах Турции и Персии.

В литературе этого времени особенно заметны влияния новой Турции, где после младотурецкого переворота идеи свободы и национальной культуры получали совершенно новые выражения.

Бакинская печать, в начале находящаяся больше под влиянием религиозно-исламистических идей, развиваясь, все больше переходит к национально-культурным мотивам. Идея тюркизма и национального самосознания охватывает все слои населения. Начало балканской войны, явно тенденциозная политика русского правительства и шовинистическое настроение русского общества, не скрывающего свою вражду и злобу против не только Турции, как государства, но и ко всему тюркскому, вызывают взрыв национального чувства и политического негодования во всем Азербайджане. Возбуждение доходит до того, что один из сатириков Азербайджана (Музних) не постеснялся напечатать едкую сатиру по адресу „Иванова“ (Yebnelivan) — символистическое имя России — угнетающего тюркско-мусульманский мир, пригрозив ему Божьей карой и беспримерным падением, за что и был выслан в Сибирь, откуда он вернулся только после полного оправдания своего пророчества, т. е. после падения русского царизма.

В таком возбужденном состоянии Азербайджан входит в эпоху мировой войны. Война еще больше способствует этому возбуждению. Основанная нами в 1915 году в Баку ежедневная газета „Ачик Соз“ (Ясное слово) первая берет на себя смелость заменить термин „русских мусульман“ или „татар“ именем „тюрк“, входя таким образом в не легкую борьбу и перебранку с военной цензурой, настойчиво вычеркивающей слов „тюрк“ в применении к кавказским или азербайджанским мусульманам.

В это же время два выдающихся поэта, Джевад и Джавид, воодушевленные идеей национального пробуждения, начинают воспевать идеалы тюркского народа. В передовой статье первого номера, газета „Ачик Соз“ в нижеприводимых строках излагает надежды, возложенные на результаты мировой войны:

„Никакая из победивших сторон — писала газета — в целях обеспечения долговечного мира не в состоянии будет игнорировать силу национального идеала, господствующего над совестью современного мира. Это положение подтверждается и многими европейскими мыслителями, публично высказывающими свои соображения по поводу возможной ликвидации кровавой бойни. Согласно мнению миролюбивых политиков, мирный договор, не учитывающий в своем заключении основные принципы общеизвестных прав национальностей, не в состоянии будет обеспечить более или менее продолжительный мир.“

Пока останется хоть один народ с погранными правами, Европа будет лишена подлинного, долговечного мира и международного равновесия и государство, допускающее нера-

венство среди своих граждан, лишившись действительной опоры, не в состоянии будет с'организовать свою жизнь на началах, способных к развитию и прогрессу.

Одним словом, только те народы приобретут значение и вес в международных отношениях, которые с'умеют организовать вокруг определенно, ясно выраженного идеала, охватывающего большинство граждан, его образующих. Такие народы, одновременно, окажут и большое влияние на внутреннюю политику государств. В виду этого, отдельные народы, если хотят стать нациями, принуждены познать себя, с'организовать свои силы вокруг определенных идей, служить великому идеалу, иметь свою светящуюся путеводную звезду. Ибо новая жизнь не станет считаться с народами, не успевшими воодушевиться единым созидательным духом, окрыляющим их на великие подвиги во имя общенациональной цели. Общества, лишённые этого порыва, не в состоянии внушать кому бы то ни было уважение ни к себе, ни к своим чаяниям“.

Эту же мысль мы находим и в поэзии.

Гусейн Джавид бей своей стих, помещенный в специальном журнале „Кардаш Комеги“ (Братская Помощь), изданном Союзом Азербайджанских Журналистов в пользу пострадавших от войны аджарских мусульман, заканчивает следующими строками:

„Проснись товарищ, брат-сородич!
Не спи больше... настало новое время.
Смотри... проясняется темнота,
Гляди, вот угренняя звезда!
Что же означает розовое сияние?
Утро же настало, солнце ведь всходит!
Встань, оглянись, какому мы служим идеалу?
Кем ты был, кем стал, о чем думаешь?
Довольно поработаться, довольно же — мужайся!
Встряхнись, гляди вдали на свободу.
Гони туман, иди свету на встречу —
Знай, тебя ожидает будущее, честь и слава!“

В конце этого полного надежд и бодрости обращения, поэт советует своим сородичам, не теряя времени, объединиться вокруг светлого идеала, ибо только такое единение в состоянии обеспечить народам светлую и достойную жизнь!

Поэт же Ибрагим Таир, ставя точку над „i“, в одном из своих стихотворений говорил о „независимости нации“, как о сокровенном идеале.

В этот же период (1905—1917 г. г.) и азербайджанское театральное искусство достигает больших успехов. Образовываются специальные драматические труппы. Выдвигаются артисты—профессионалы. Наивысшим успехом азербайджанской сцены следует считать появление первой азербайджанской оперы. Народному учителю Узеир беку удается переложить на ноты бессмертную поэму Фузули — „Лейла и Меджнун“ и инсценировать ее. Поощренный небывалым успехом опыта, автор берется за дальнейшую работу. Появляется целый ряд музыкальных произведений в виде опер и опереток. На долю оперетты „Аршин Мал Алан“ того же автора выпадает небывалый успех. Оперетта за короткое время переводится на все кавказские языки, а также и на русский язык. Имеются переводы на персидский, французский и английский языки. „Аршин Мал Алан“ имел одинаковый успех на сценах Баку, Тифлиса и Эривани, всегда с большим успехом повторяется также и на сценах больших турецких городов. Оперетта шла на персидском языке также и в Тегеране, столице Ирана. Имела успех на некоторых балканских сценах. Секрет такого головокружительного успеха этой оперетты заключается в том, что в ней собраны народные мотивы Азербайджана, которые являются понятными и для всего Ближнего Востока.

В таком состоянии азербайджанская литература вступает в полосу ликвидации великой войны, переживая эмоциональное влияние великой революции и праздная великую радость по поводу образования независимой национальной республики.

Ныне томящийся в далеких тундрах Сибири, а, быть может, не выдержав зверской пытки соловейских палачей, погибший смертью мучеников за Родину, молодой, с Божьей искрой поэт, имени которого, по понятным причинам, остерегаюсь упомянуть, предвидя радостный момент событий, верил, что и в темные ночи отчаяния взойдет алмазная звезда и озарит небо светом и давно потухший огонь вновь вспыхнет в стране азербайджанцев, что на лоне диких кавказских гор один из сыновей Тюрка опять овладеет своей судьбой!...

Поэт верил, что „Азербайджан, когда то сво-

ими естественными вечно горящими огнями служивший местом поклонения восточному миру, вновь станет светящим факелом свободы и культуры для всех тюркских стран, а быть может и для всего Востока!...

Таким же всегогорженным духом оптимизма пропитаны были и другие начинающие силы молодого Азербайджана. За короткое время появляются новые литературные кружки и журналы. Г. Джавид, Сельман Мумтаз, Мехмед Хади, Абдулла Шаиг и другие печатают ряд новых произведений, среди которых выделяются — „Божественная Любовь“ Мехмеда Хади, „Девичья Башня“ Джафара Джабарлы, „Шейх Сан'ан“ Гусейна Джавида, „Кошма“ Джавада Ахунд-Задэ и другие.

Что бы дать понять, в какой мере акт национального освобождения повлиял на нежные чувства азербайджанской души, процитирую вам глубоко лирический стих народника Джавада, написанный им к 28 мая, дню опубликования акта о независимости, под символическим заглавием „Отчего ты создалась?“:

„Ты создалась появлением утренней звезды,
Когда мои надежды задыхались в темноте!
Ты создалась тенями, идущими из за пределов бытия,
Когда они соприкоснулись с утренней зарей!
Ты создалась в тихой борьбе за красоту,
Происходящей между природой и силой!
Ты создалась, когда на миг замерло сердце,
Когда я с пером в руке прислушивался к вдохновению.“
(Окончание следует)

Покаянное письмо Казбека Бутаева

Как известно, олицетворением советского централизма является аппарат ВКП(б). Благодаря наличию этого аппарата, т. н. Советский союз представляет из себя наиболее централизованное государство. Преимущественно русский характер коммунистической партии придает советскому централизму определенную окраску, в которой безраздельно доминируют русские цвета. Фикция „советского федерализма“ усугубляется еще тем, что во главе т. н. национальных партийных организаций, в роли секретарей республиканских и областных комитетов ВКП(б) т. н. национальных автономий, состоят представители или главенствующей нации, или народов, не имеющих собственных „автономий“ и составляющих обыкновенное „нацменьшинство“ в пределах РСФСР — наибольшего члена „советской федерации“.

Правда, в последнее время руководство ЦК ВКП(б) попыталось внести в это положение некоторые изменения, назначив в ряд „автономий“ и „союзных республик“ секретарей парткомитетов из представителей местных национальностей. В частности, эксперимент этот был проведен и на Северном Кавказе. Здесь — в Дагестанской ССР отошел Цехер и появился Нажмутдин Самурский, а в Северо-Осетинской авт. обл. вместо Демиховского стал править Казбек Бутаев.*)

Мы должны констатировать, что у нас, на Северном Кавказе, эксперимент этот не удался. Наши „выдвиженцы“ в красные „правители“ не оправдали

*) Долголетний секретарь Каб-Балк. обкома ВКП(б), Бетал Калмыков, нами в расчет не берется. Этот советский сатрап, награжденный многими орденами, за свою приверженность советской власти и жестокость в борьбе с различными „национальными уклонами“ получил даже кличку „Сталина Кабардино-Балкарии“.

надежд обласкавшего их партруководства. В 1935 году Самурский был обвинен в „зажиме самокритики“ и попал, в связи с этим, даже на страницы „Правды“. Менее счастливо отделался Казбек Бутаев. Его, в том же 1935 году, по просту выгнали с занимаемой должности, заменив несравнимо более надежным „товарищем“ Кравцовым, бывшим до того секретарем черкесского обкома ВКП(б). Таким образом, в Северо-Осетинской авт. области было восстановлено прежнее положение, секретарем обкома снова стал русский. Следует еще добавить, что не в меру рьянное руководство северо-осетинской парторганизации решило исключить Бутаева и из партии, но уже в этом случае опального вельможу взял под свое покровительство северо-кавказский крайком ВКП(б), отменив решение об исключении.

„Милость“ крайкома связана с „покаянным письмом“ Бутаева в адрес крайкома. Письмо было опубликовано в „Севере-Кавказском большевике“ в номере от 24 февраля с. года. Оно чрезвычайно показательно для настроений в т. н. нацпарторганизациях и поэтому мы позволяем себе продемонстрировать его в значительных выдержках.

„В своей работе в качестве секретаря северо-осетинского обкома ВКП(б) — пишет Бутаев — я допустил крупные политические ошибки. Одной из важнейших — это выдача на руки Калоеву (также осетин — Д.), как члену ВКП(б) московской организации, справки, положительно характеризующей его социальное происхождение и подтверждающей необходимость его оставления в партии. Последующей проверкой установлено (см. решение ос. обкома ВКП(б) от 4-ХП-35 г.), что Калоев — выходец из классово-чуждой среды, является сыном торговца, землевладельца-кулака и не должен состоять в рядах партии. Этой крупной своей ошибке, свидетельствующей о притуплении классово-бдительности, я дал соответствующую оценку на пленуме крайкома 12 декабря 1935 года. За эту ошибку я получил от крайкома партии строгий выговор с предупреждением.

Помимо этой ошибки, я допустил ошибочное выдвижение Баракова Гино в зав. культпропом обкома ВКП(б) и то, что я сразу и резко не поставил вопроса об его исключении (когда выявилось его антипартийное лицо) при первом обсуждении моего дела в бюро обкома. Мною допущены также серьезные ошибки по проверке партдокументов, указанные мне крайкомом. На меня же падает главная вина по подаче работниками Оссоюза в край очковитательской сводки по хлебозакупкам за шестую пятидневку октября 1935 года — факт, объективно означавший обман партии и правительства“.

Прежде чем перейти к дальнейшим цитатам, разберем наиболее характерные моменты только что приведенной выдержки. Она не лишена некоторых „пикантностей“. Такова, например, история с Калоевым. Несомненно, этот „выходец из классово-чуждой среды“ попал в Москву и московскую парторганизацию по вызову и протекции своего родственника — Заурбека Калоева, бывшего многолетнего члена ВЦИК от Северо-Осетинской авт. области, умершего осенью прошлого года и удостоившегося похорон, „по первому разряду“ советского

церемониала — правда, без кремации, и это также симптоматично для нравов, царящих среди коммунистов-„националов“.

Таким образом, оказывается, что принцип „родственных связей“ не потерял своей силы в северокавказской коммунистической среде даже на высших ступенях партийной иерархии и несмотря на явный ущерб делу большевизма.

Второй момент связан с исключением из партии Баракова Гино. Нужно сказать, что этот последний принадлежит к числу пионеров большевизма в Осетии и Северном Кавказе и был в 1917—1920 г. г. активным и видным членом осетинской большевизанствующей партии т. н. „керменистов“. Партия эта активно поддерживала коммунистов и способствовала приходу на Северный Кавказ советской власти. С приходом последней, все ее члены заняли командные посты в Северной Осетии. Но, видимо, они „пришлись не ко двору“. Несколько лет тому назад наиболее видные „керменисты“ были обвинены в „склоке“ и в „национал-шовинизме“ и посланы — некоторые в почетную, а иные в просто ссылку. Такого рода расправа с прежними „попутчиками“ характерна не только для Осетии — она повсеместное явление на всем Северном Кавказе. В Дагестане жертвой ее стали б. члены т. н. Совета обороны Северного Кавказа, приписывавшие себе „честь“ установления советского режима — например, Джелал Коркмасов, в Ингушетии — Идрис Зязиков и др., в Чечне — Ахматхан Мутушев и т. д. Пример Гино Баракова свидетельствует о том, что и уцелевшие от расправы б. „попутчики“ не во всех случаях освободились от „националистического душка“ и не всегда еще считаются своими „советскими людьми“.

Сказанное нами во всем объеме подтверждается и дальнейшим содержанием письма Бутаева.

„Кроме того, — читаем мы в нем далее — я допустил грубые ошибки в статье „Октябрь в Осетии“, напечатанной в сокращенном виде в „Сев. Кавк. больш.“ (№ 187) от 12 декабря 1935 г. и в полном объеме в „Изв. осет. н.-иссл. и-та“ (т. VIII). Об этих ошибках, фальсифицирующих историю сев.-осет. организации ВКП (б) и революционного движения в Осетии и льющих воду на мельницу буржуазно-националистических элементов — я подал 15 декабря 1935 года в крайком заявление, где даю им соответствующую оценку. К этим ошибкам относятся:

1) отождествление осетинской революционной партии „кермен“ и начальный период ее существования, когда она была еще мелко-буржуазной по своему характеру — с большевистской партией, а следовательно всех керменистов с коммунистами;

2) умаление великой роли ВКП (б) и красной армии в организации пролетарской революции и советской власти в Осетии. В статье неправильно говорится много о роли и заслугах партии „кермен“, в то время, как ее заслуги и все победы социалистической революции в Осетии являются исключительно заслугами большевиков, победами великой партии Ленина—Сталина, одержанными бла-

годаря непосредственному руководству великого Сталина и его ближайших и лучших соратников С. Кирова и С. Орджоникидзе — борьбой победоносной красной армии, большевистских организаций и всех трудящихся масс края.

3) Кэтим ошибкам относится и то, что я в статье возвел Мамсурова в руководители партии „кермен“ и непростительно поставил его рядом с тов. Кировым и тов. Орджоникидзе. Этот Мамсуров, разоблаченный теперь крайкомом до конца, никогда руководителем партии „кермен“ не был, а большевиком тем более.

Относительно же своей брошюры „Борьба горцев за революцию“, изданной в 1922 году, должен заявить, что она включала и включает грубейшие ошибки (приписывание огромной роли партии „кермен“, недооценка великой роли красной армии и ее руководителей в освобождении от эксплуататоров-белогвардейцев горной полосы Сев. Кавказа, приписывание Мамсурову роли руководителя, выпячивание самого себя), вследствие которых она была неправильной по существу и политически вредна. Часть этих ошибок брошюры не была изжита мною до последнего времени. Моя вина заключается здесь в том, что я до последнего времени брошюру эту критически не пересмотрел и не отказался от нее в печати“.

Как видим, и в этой выдержке оттеняются моменты, уже нами отмеченные. Официальная советская историография, репрезентируемая в разбираемом нами случае крайкомом ВКП (б), оказалась более чем благодарной ко всем „попутчикам“. „Мавр сделал свое дело, мавр может уйти“ — и поэтому „все победы социалистической революции в Осетии являются исключительно заслугами большевиков и непосредственного руководства великого Сталина“, а различные Мамсуровы, возглавляющие „Кермены“, „Советы обороны“ и т. д., „разоблачены теперь до конца“ и „никогда большевиками не были“.

В дальнейшем Бутаев переходит, так сказать, к личным делам: выражает благодарность крайкому за оказанную ему „милость“, за восстановление в правах члена ВКП (б), и обещает больше „не шалить“. Затем описывает свою биографию, где доказывает, что он „сын крестьянина-середняка“ (какой горец не может быть подведен под эту рубрику?!), что с своими братьями (из которых один, между прочим, был кратковременным министром Северного Кавказа) „с 1918 года не имеет ничего общего“ и т. д. Эта часть письма характеризует лишь личность самого Казбека Бутаева, поэтому останавливаясь на ней мы не будем. Скажем лишь, что чести она ему не делает.

Но возвращаясь к факту его удаления с должности секретаря северо-осетинского обкома ВКП (б), мы еще раз подчеркиваем, что опыт „коренизации“ руководства нацпарторганизаций на Северном Кавказе Москве не удался и что националистические ферменты по прежнему бродят в рядах коммунистов—„националов“.

Догуж.

МАТБУАТ АРАСИДА — ОБЗОР ПЕЧАТИ

Konovalets'in iştihaleri ve Kafkasya birliđi

Bir müddet evvel Varşovada, Konovalets'in idare ettiği „Ukrayna Milliyetçilerinin Teşkilatı“ (O. U. N.) azalarının muhakemesi gidiyordu. Geçen 1934 nci yılın son baharında Lehistan dahiliye işleri nazırı Bronislav Peratskiyi öldürenlerin işine bakılıyordu. Muhakeme esnasında bir kaç defa Senika'nın arşivinden bahsedilmişti. Bu arşiv O. U. N. teşkilatına aid dokümanlar olub Çekoslovakıya hükümeti Pragada Senika nam birinin evini araştırırken bulmuş ve hangi vasıta ile ise leh hükümetinin eline düşmüştü. Müddei umumî iddianamesinde bu arşiv üzerinde etraflı surette durmuş ve o cümleden bunları söylemiştir (leh gazetelerinden alıyoruz):

— „Senika'nın arşivindeki mektublarda deniliyor ki: Ukrayna devletinin hududlarını genişletmek ve Kafkasya ve Maverayı Kafkasyayı da Ukrayna içerisine almak lazımdır. Ticaret hareketini genişletmek ve devlet gelirini artırmak için Karadenizle Hazerdenizini bir kanal ile birleştirmek gerektir. Bundan ilave denilmiştir, ki garbda hududu Krakova kadar genişletmek ve orada Almanyaya bir koridor açmağa çalışmalıdır.“

İşte, gördüğümüz gibi ataman Konovalets'in ve onu bü rüyenlerin iştihaleri az değildir. Fakat, mes'ele yalnız bu gibi tahakkuk etmiyecek genişlemek iştihalerinde değildir Ukrayna „maksimalistlerinin“ tahakkuk etmekten çok uzak olan hayalleri biz Kafkasyalılar için başka bakımdan da kıymetlidir: bu, Kafkasya milletlerinin mukadderatca bir tek oldukları, ve ideolojimizin temelini teşkil eden, kanaati bir defa daha kabartmıştır. Bu misal ile biz bir defa daha inanıyoruz, ki Kafkasyalı milletlerin mukadderatı bir birinden ayrılmaz bir kül teşkil eder ve Kafkasyanın kurtuluşu bütün kısımlarının aynı zamanda kurtuluşu ile ve sıkı teşriki mesailerі sayesinde mümkündür. Kafkasyanın kısmen kurtuluşu ve yahud bir kısmının başkaları tarafından zabtı (bu misaldeki gibi nazarı şekilde bile olsa) muhakkak surette bütün Kafkasyayı zabtetmek iştihasını doğuruyor. Bu işte, memleketimizi çelik kuşakla ihafe eden neft borusu daha kuvvetli bir delildir. Birliğimizin sembolikası yalnız geçmişimizde veyahud tarihin öğütlerinde değil, aynı zamanda bugünkü hakikatte dahi mevcuttur. Tuapse — Maykop — Suyunc Kala — Şamil Kala — Bakû — Tiflis — Batum neft borusu bunun canlı delilidir.

Bunu hiç bir zaman unutmuyalım!

Нечестная игра

В прошлом году, в ноябрьском номере ж. „Кавказ“, один из подручных редактора указанного журнала, некий Ю. А. Алиев, помесил статейку, в которой обвиняет лидера азербайджанского национального движения М. Э. бея Расул-Задэ в подготовке на территории Азербайджана вооруженного восстания, с одновременным осведомлением врага о готовящемся выступлении.

Тактика, примененная при этом Ю. А. Алиевым, не отличается оригинальностью, но, зато, вполне отвечает методам, практикуемым на страницах ж. „Кавказ.“

Свои обвинения Ю. А. Алиев основывает на выдержке из статьи М. Э. бея Расул-Задэ, напечатанной несколько лет тому назад в связи с тревожными известиями с Кавказа. Выдержка эта, в „вольном“ переводе автора пасквиля, представляется в следующем виде:

„Со всех сторон Кавказа, во главе с Азербайджаном, идут тревожные сведения. Доведенное до отчаяния существующим режимом население оказывает сопротивление путем восстаний. С одной стороны, крестьянство не сдаёт правительству урожая, с другой — при удобном случае — то там, то сям убивают партийных и правительственных представителей. По полученным из разных источников сведениям, подтверждается возможность повторения этой весной кровавых событий. Указанные в этом номере нашей газеты расстрелы, дикий террор довели население до отчаяния и оно пот-

готовилось весной к вооруженному столкновению. (Курсив наш). Против красного империализма и порабощения, не признающего права на свободу национальностей, самостоятельность, самый правильный путь — это вооруженное сопротивление с лозунгом: „Смерть или жизнь“.

Здесь Ю. А. Алиев ставит многоточие, за которым следует „многозначущее“ — „и т. д.“ Препарировав таким образом статью Мемед Эмин бея, Ю. А. Алиев делает упомянутый выше „вывод“.

Чтобы выявить „ловкость рук“ этого, с позволения сказать, „разоблачителя“, мы знакомим читателя с дальнейшим продолжением инкриминируемой статьи, „предусмотрительно“ замененным Ю. А. Алиевым многоточием. Итак, вместо этого многоточия, должно быть:

„Но имеются обязательные условия, которым подчиняется и тактика вооруженной борьбы. Первое из них — это совместное действие всех народов Кавказа. Можно сказать, что в данное время это достигнуто: партизаны Кавказа действуют за одно, без различия веры и национальности, и между ними, поскольку мыслимо в настоящих условиях, видимо, имеется связь и сношение.

Но для успеха нужно наличие и второго условия. Необходимо, чтобы эти общие выступления приравнивались к соответствующим стратегическим моментам. Пока советская власть не занята какими нибудь событиями внешнего или внутреннего характера, выступления наших партизанов, в какой бы форме оно не было, закончится неизбежным поражением, чреватом большими потерями. Не предвидеть этого невозможно.

В прошлом номере мы говорили: следует больше обращать внимание на развитие событий на Дальнем Востоке, чем на заключаемые советской властью разные пакты ненападения. Живые силы Кавказа вообще, а Азербайджана в частности, могущие ударить врага, должны обратить сугубое внимание на это обстоятельство и преждевременными выступлениями не играть на руку врага, не поддаваться провокации.

Наряду с пятилетним планом врага, направленным к подготовке боевых сил красной армии, в ожидании предполагаемой войны имеется и другой план, направленный к заблаговременной ликвидации всех тех сил, которые могли бы ему служить помехой во время какого нибудь конфликта и осложнений, путем ударов в тыл действующей армии.

В силу этого плана, он и провоцирует кавкаских партизан на выступления и, пользуясь свободой рук, как можно больше старается уничтожить их.

Естественно, что он, в применении этого плана полностью, не достигает цели. Ибо взамен сил, уничтоженных тиранией, придут новые элементы, выдвинутые естественным развитием исторических факторов. Как говорится — „из капли пролитой крови павших борцов создаются тысячи новых“.

Но как бы ни было, анализируемые нами события в некотором роде явления военного характера. Как во всякой войне, и тут не следует тратить сил раньше, чем следует.

Вот почему, доводя до сведения общественного мнения всего мира о проливаемой крови и пылающих хижинах в нашей многострадальной стране, мы одновременно считаем своим долгом обратить внимание лиц, имеющих то или другое влияние на борющиеся силы, на это, очень важное, обстоятельство“.

Как видит читатель, тут вовсе не говорится о призыве к вооруженному восстанию, а тем более об этом восстании не осведомляется враг, но, как раз обратное: измученные народные массы предостерегаются от необдуманных и несвоевременных выступлений. Ю. А. Алиев слишком явно передернул.

ХРОНИКА

ЦАПУН АККОТИ

14 февраля 1936 года под Тегераном во время автомобильной катастрофы трагически погиб Цапун Аккоти, уроженец сел. Дигора. Покойный отличался всеми положительными качествами идеального горца-рыцаря: с безупречной честностью, чрезвычайной энергией и непоколебимой смелостью он соединял еще чувство высокого личного достоинства, знание и образцовое выполнение северо-кавказских адатов. Он был честным и отзывчивым братом каждому земляку-эмигранту и отличался врожденной интеллигентностью во всех своих поступках и способе мышления. В эмиграции он находился с 1930 года, вынужденный покинуть родную страну вследствие активного участия в подготовке общего народного восстания на Северном Кавказе в 1930 году. В лице покойного горская колония в Тегеране понесла невозместимую потерю. Покойный похоронен в Тегеране. Мир праху его!

А.

ДОКЛАДЫ В ПАРИЖЕ И ВАРШАВЕ

— 25 января Кружок изучения Кавказа в Париже организовал доклад г. Дата Вачнадзе на тему „Взаимоотношения Грузии с Севером и Югом на протяжении веков и до наших дней“. Прекрасный по форме доклад неопровержимо выявил, что Север в лице России всегда играл по отношению к Грузии предательскую роль. Более чем двухчасовой доклад с большим вниманием и интересом выслушан был присутствующими.

— 28 февраля директор Варшавского городского архива и один из лучших авторитетов по истории польско-русской войны 1830—31 г. г., майор Адам Энглерт, прочел в Варшаве, в помещении Союза студентов кавказцев, доклад на тему — „Проблема вождя в польско-русской войне 1830—1831 г. г.“. На докладе присутствовала вся кавкасская молодежь в Варшаве и много приглашенных гостей. Блестяще построенный доклад, высказанный с большим темпераментом и мастерством, затронул „проблему Вождя“ не только в рассматриваемом периоде польской истории, но и во всякой борьбе, которая ведется во имя светлых и возвышенных идеалов. Это еще более повысило значение доклада для аудитории. После доклада, слушатели выразили свое удивление многочисленными и шумными аплодисментами.

Письмо в редакцию

В нашу редакцию поступило от председателя Азербайджанского союза нефтепромышленников г. А. Асадуллаева нижеследующее письмо:

Милостивый Государь Господин Редактор!

Очень прошу Вас не отказать в напечатании прилагаемого письма, которое является ответом на нападки г-на Салимова на наш Союз, появившиеся в № 9—10/21—22 журнала „Кавказ“, и от печатания которого редакция означенного журнала уклонилась.

С совершенным почтением

А. Асадуллаев

председ. Азерб. Союза Нефтепромышленников.

* * *

Господину Редактору журнала „Кавказ“.

Милостивый Государь Господин Редактор!

В ответ на помещенное в номере редактируемого Вами журнала „Кавказ“ (№ 9—10/21—22) письмо г. М. Салимова и содержащиеся в этом письме заведомо неправильные утверждения относительно Ассоциации Азербайджанских Нефтепромышленников и нашей роли в ней, покорнейше просим

Вас, на основании закона о печати, поместить в ближайшем номере Вашего журнала настоящее письмо.

Прежде всего, ни какой кампанией против г. Салимова, как нашего или кого либо другого, будто бы, „политического“ противника, мы не занимались и не занимаемся по той простой причине, что г. Салимов ни нам, ни кому либо другому неизвестен, как политический деятель, и личность его в этом отношении никого интересовать не может.

От должности Председателя означенной выше Ассоциации и ее представителя в общих организациях Бакинских и Грозненских нефтепромышленников г. Салимов отстранен постановлением Общего Собрания членов Ассоциации, состоявшимся 4 сентября 1932 г. и принятым десятью ее членами из одиннадцати азербайджанских нефтепромышленников, проживающих во Франции, исключая самого г. Салимова.

Представителем Ассоциации тогда же вместо него, был избран г. Ахмед бек Гаджинский и зарегистрирован вместе с новым составом Правления в префектуре полиции 22 сент. 1933 г. под № 165—108, а на последнем собрании, тех же азербайджанских нефтепромышленников, избран председателем и должным образом зарегистрирован г. Али Асадуллаев.

Председателем же Ассоциации в Особый Комитет Бакинских и Грозненских Нефтепромышленников, функционирующий под председательством Товарища Председателя Единого Фронта, Г. Л. Нобель, был назначен вместо исключенного из него г. Салимова, г. Мурад бек Везиров, представитель интересов наследников Мусы Нагиева.

Так как означенный Особый Комитет включает в себе всех членов Единого Фронта, г. г. Е. Лианозова, А. О. Гукасова, Л. Манташева, Д. С. Схыртладзе, М. Асадуллаева, Робертсона и Шарль Лорана, за исключением Председателя его сэра Генри Детердинга, и был учрежден по его же сэра Генри Детердинга предложению, работая в полном контакте с ним, то исключение из него г. Салимова, само собою разумеется, равносильно исключению его и из Единого Фронта, тем более, что последний в 1929 г. вообще и не собирался и фактически не функционирует.

Ни о каких бы то ни было „маневрах“, направленных будто бы Особым Комитетом против сэра Г. Детердинга в вопросе об исключении из него г. Салимова, не может быть никакой речи, и сэр Г. Детердинг едва ли нуждается в какой либо защите со стороны г. Салимова, человека неграмотного и не говорящего ни на каком языке, кроме азербайджанского.

Очевидно, в данном случае г. Салимов просто является слепым орудием в руках более опытного и более ловкого, чем он, кого то другого, преследующего свои собственные цели, не связанные ни с какими интересами нефтепромышленников вообще, а азербайджанцев в особенности.

Достойно только сожаления, что для достижения этих личных целей пользуются не просто именем г. Салимова, а с присоединением к нему звания Председателя Ассоциации, на какое звание он, однако, давно уже не имеет ни юридического, ни морального права.

Если г. Салимов, пользуясь тем, что всякого рода регистрации в Префектуре Полиции производятся явочным порядком, злоупотребил доверием Префектуры и зарегистрировал себя в январе текущего года как избранного будто бы Председателем Ассоциации,—то это говорит только об отсутствии у него всякого сознания ответственности.

Важно не то, что он смог кого либо обмануть и зарегистрировать себя как Председателя Ассоциации, а важно знать, кем именно он был избран на эту должность. Если бы г. Салимов попытался опубликовать имена своих избирателей, то он никого вообще не смог бы назвать или же это оказались бы лица, ничего общего с азербайджанцами, как нефтепромышленниками, не имеющими, а в особенности с теми, кои находятся во Франции.

Ссылка на какую то деловую переписку г. Салимова с г. Ван-Валри никакого отношения к данному вопросу иметь не может, т. к. г. Ван-Валри, как арбитр, должен был отвечать вообще всем и на все письма, от кого бы они не исходили, и никакого решающего значения его ответы в данном вопросе не имеют.

Примите, г. Редактор, уверения в нашем совершенном почтении.

Председатель А. Асадуллаев.

Секретарь А. Р. Тагиев.

Париж, 10 декабря 1935 года.

Mecmuanın müdürü: BARASBI BAYTUGAN

Редактор журнала: БАРАСБИ БАЙТУГАН

Müdürün adresi — Odyńca 35, Warszawa (12), Pologne — Адрес редактора

Mecmua idarehanesinin adresi — 1, Square Léon Guillot, Paris (15), France — Адрес администрации журнала